

Мумтоз Мухамедов

ВСЛЕД ЗА ГЕРОЕМ

КА СОЛДАТА И МАТРОСА

МУМТОЗ МУХАМЕДОВ

ВСЛЕД ЗА ГЕРОЕМ

ПОВЕСТЬ

Перевод с узбекского

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Первая веха	3
Друзья встречаются вновь	10
Капитан Александров	22
Рассказ капитана Александра	26
В разбитом сарае	34
Обстановка проясняется	40
Полковник Лебедев	46
На броне танка	52
Рассказ о котелке с кашей	64
Мадраим-Кундак	78
Последние дни войны	101
Эпилог	111

Митоз Мухамедович Мухамедов

ВСЛЕД ЗА ГЕРОЕМ

Пушкин Редактор Митичкина А. П.

Художественный редактор Гречиго Г. В.

Художник Ребров Ю. П.

Технический редактор Медникова А. Н. Корректор Преображенская И. И.

Слано в набор 20.6.57 г. Подписано к печати 24.10.57 г.
 Формат бумаги 70×108¹/₂ 3¹/₂ печ. л. 4,795 усл. печ. л. 4,884 учизд. л.

Г-35172

Военное Издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/9759

Зак. № 397.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
 Управления Военного Издательства Министерства обороны Союза ССР
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

Цена 2 р. 45 к.

111

ПЕРВАЯ ВЕХА

...Двое суток не заглядывал я в свою походную тетрадь, неизменную спутницу моих фронтовых скитаний. Двое суток прошли, как сон, вернее, как кинофильм, в котором я был и зрителем, и действующим лицом.

Усталость манит меня растянуться на жестком ложе фронтовой землянки, застеленном смолистым сосновым лапником. Его острый горьковатый запах вызывает воспоминания далекого мирного детства. Я словно вижу ельник в предгорьях Чаткала, вблизи Ташкента.

Но действительность не дает возможности предаваться воспоминаниям: где-то совсем недалеко рвутся снаряды, от сотрясения вздрагивает на столике артиллерийская медная гильза, служащая мне керосиновой лампой, с потолка сыплются песок и мелкая галька.

Итак...

Два дня назад, примерно в это же время, я дежурил в редакции фронтовой газеты «Суворовец». Просторный каменный дом прусского типа, в котором помещалось все наше «издательство», — и редакция, и типография, — стоял на берегу небольшого озера. С трех сторон дом был хорошо прикрыт хвойным лесом, который в любую пору года отлично несет маскировочную службу.

Дом был хорош, как и лес, окружавший его, но мы знали, что это только короткая остановка, полустанок на пути к победе.

Еще раз внимательно прочитав отписки очередного но-

мера, я подписал газету в печать и вышел подышать свежим воздухом.

Прямо против крыльца луна проложила через озеро длинную золотистую тропинку; по обе стороны от нее чернела холодная вода. Из-за угла вынырнула темная фигура часового. Он слегка притоптывал ногами.

— Что, холодно?

— Да нет! Какое — холодно, весна идет! — ответил он, нажимая на букву «о». — Просто так, от скуки... Вот в наших местах еще действительно холодно... — продолжал часовой, видимо, радуясь возможности поговорить.

— В каких же это местах?

— Ой далеко, товарищ лейтенант! В Вологодской области.

Пониже луны вспыхнули две красные ракеты и, рассыпавшись мелкими брызгами, погасли.

В небе не умолкал рокот моторов, дальних и близких.

— Летают!.. Днем — летают, ночью — летают... Все время летают... — тихо сказал часовой.

Однако долго стоять на крыльце я не мог — нужно было вернуться к печатникам.

Проходя через комнату, служившую нам и рабочим кабинетом, и спальней, я обратил внимание на то, что постель редактора была не тронута, и вспомнил, что его вечером вызвали в политуправление. Значит, он еще там.

На своих кроватях-топчанчиках крепко спали секретарь редакции и два сотрудника газеты. Секретарь редакции, пожилой человек, пришел к нам из гражданской газеты. Он принес с собой большой опыт, пунктуальность и аккуратность, которые неустанно прививал нам, молодым военным газетчикам.

Сугубо штатский человек, он с особым рвением выполнял военный устав. Часто, сдвинув большие роговые очки на кончик длинного носа и подняв кверху указательный палец, он поучал нас:

— Уважайте военный устав, товарищи офицеры. Он

приучает нас к порядку. Без порядка не может быть дисциплины, а без дисциплины — нет армии!

Мы уважали и устав, и своего секретаря, хотя слегка подтрунивали над его наивной манерой внедрять порядок и дисциплину.

Сейчас самый придирчивый старшина был бы умилен порядком, в каком находились и постель, и обмундирование, сложенное аккуратной стопкой на табурете перед топчанчиком нашего секретаря.

Иначе выглядели кровати молодых газетчиков.

Я не успел еще выйти из комнаты в смежную с ней типографию как услышал громкий окрик часового.

Через минуту ординарец передавал мне приказание немедленно явиться к начальнику политуправления.

Политуправление помещалось на противоположном берегу озера. Я хотел было спросить дежурного офицера о причине вызова, как тот, сделав жест в сторону кабинета начальника, сказал:

— Прошу!

Я подумал: «Наверно, насчет отпуска... Ох, не время!!!»

Месяца три тому назад я подал рапорт об отпуске для поездки на родину, в Узбекистан.

...Стояла слякотная зима Прибалтики. Мы забыли как светит солнце, с тоской вспоминалась далекая солнечная родина, ее сады и виноградники... а тут — сообщение о болезни матери.

Я и сейчас отчетливо помню мое тогдашнее состояние. На глянцевитой бумаге, взятой из трофейных папок немецкого штаба, я написал свой рапорт.

...Минутная слабость! Сейчас все это далеко позади. Да и мать — многие годы ей жизни, — лучше себя чувствует.

А краснеть все-таки придется!

Доложив о своем приходе, я вытянулся в струнку, ожидая дальнейших приказаний.

— Садитесь, — сказал начальник политуправления генерал Востриков, указывая на табурет, стоявший слева от

него. Справа сидел мой редактор и, как мне показалось, загадочно улыбался. Минуту длилось молчание. Генерал ерошил седой ежик и делал какие-то пометки на бумагах. Потом он поднял голову, и я увидел большие серые глаза, окруженные синевой усталости.

— Ну как, лейтенант, в отпуск собираемся?

Это было сказано строго, но в глазах генерала мне также почудилась улыбка.

— Никак нет, товарищ генерал! — Очевидно, эти слова я произнес с такой непосредственностью и искренностью, что мои начальники переглянулись, улыбаясь уже совсем открыто.

— Ну, а с этой бумажницей что делать?

В его руках я увидел гляцевитую бумагу моего рапорта.

— Верните ее мне, товарищ генерал!

— Ну, брат, нет. Так не полагается. Она уже имеет и номер, и прочие права гражданства. Мы ее похороним по высшему разряду...

Красным карандашом он размашисто написал: «Отказать».

— А теперь — к делу...

Открыв один из ящиков стола, Востриков извлек оттуда экземпляр дивизионной газеты «Вперед на врага» и указал на заметку, очерченную цветным карандашом.

— Сначала прочтите, а потом скажите, что вы об этом думаете.

Заметка в пятьдесят строк сообщала о геройских подвигах командира батальона майора Данияра Абдурахманова. Данияр Абдурахманов!.. Знакомая фамилия! Неужели это тот самый Абдурахманов?

— Ну... что скажете? — спросил генерал поглаживая седые, коротко подстриженные усы.

— Я думаю, что об этом герое должна знать вся наша армия, весь фронт.

— Правильно думаете! За этим мы вас и вызвали. Теперь слушайте внимательно.

Он коротко сообщил, что готовится большое наступление. Такие командиры, как Абдурахманов, будут во многом решать его успех. Мне поручалось немедленно отправиться в батальон Абдурахманова, собрать материал и написать об отважном майоре и его людях.

— Я надеюсь, — сказал в заключение генерал, — в будущем ваша газета проявит больше инициативы и оперативности...

Я смущенно поежился, чувствуя, что и редактору неловко.

— Потом... — Востриков сделал паузу и, испытующе глядя на нас, заметил: — Редактор и его сотрудник — не бриты...

Мы с редактором машинально провели ладонями по щекам и переглянулись. Редактор был тщательно выбрит. Я даже слышал, как он вечером ворчал на то, что медленно подогревают воду. Заступая на дежурство, побрился и я. В чем же дело?

— Да, да, — повторил начальник политуправления, — вы все там плохо бриты. Не переглядывайтесь, а просмотрите комплект своей газеты, и вы, как в зеркале, увидите свое отражение.

Здесь суровый тон снова изменил ему и он улыбнулся.

— Скучные полосы. Небрежно подобраны заголовки, серые концовки, — говорил генерал, перелистывая комплект «Суворовца» и пристукивая ладонью по самым неудачным страницам.

— Вы говорите, у вас опытный секретарь. А по-моему, он просто педант, скучный человек. Встряхните его, да и сами встряхнитесь.

Он встал и, крепко пожав нам руки, проводил до дверей.

В прохладном чистом воздухе застыли черные силуэты мачтовых сосен, окружавших озеро. Темная вода лежала недвижно и казалась жидким стеклом. Легкая сетка седого

тумана, цепляясь за сучки и мохнатые лапы сосен, медленно ползла и как бы клубилась в лесных зарослях.

Все это настраивало на поэтический лад. Но тут редактор сугубо прозаическим голосом произнес:

— М-м-да, действительно... плохо бриты... А с майором Абдурахмановым, вашим знакомым, — полный конфуз! Представьте, до самого вашего прихода генерал говорил о том о сем, и ни одним словом не обмолвился о гвардейцах Абдурахманова. А под конец — пожалуйста бритесь! Да, плохо, очень плохо мы связаны с передним краем... Учтите, лейтенант...

Редактор остановился и преждевременно поднял кверху указательный палец...

И вдруг совсем недалеко послышалось прерывистое буханье зенитной батареи, а затем несколько глухих мощных взрывов, от которых вздрогнули кроны сосен и на наши головы посыпались сухие иголки.

— Салют наступающему дню, — усмехнулся редактор и, опустив палец, продолжал прерванную мысль. — Учтите, лейтенант, вам нужно не только найти батальон Абдурахманова и показать его людям, но — что не менее важно — укрепить связь газеты с передним краем...

Через час я покинул наш лесной приют, распроцался с тихим озером, лесными тропинками, покрытыми мягким ковром прошлогодней листвы. Я знал, что уже не вернусь сюда, что встреча с товарищами и редакцией произойдет в другом месте.

Мне первым делом нужно было добраться до хозяй-

ства полковника Лебедева. Только он мог указать путь в батальон майора Абдурахманова.

Попутный грузовик доставил меня на контрольно-пропускной пункт военно-автомобильной дороги. Поток машин двигался на запад почти непрерывно. На вопрос, как проехать в хозяйство полковника Лебедева, все шоферы отвечали в один голос:

— Не знаем.

Когда я уже совсем потерял было надежду, возле регулировщицы остановился грузовик, а за ним быстро образовалась «пробка». Услышав энергичные возгласы регулировщицы, я подошел узнать, в чем дело.

Худенькая регулировщица распекала рослого бравого солдата узбека, нагруженного двумя большими баулами и чемоданом.

— Зачем кричишь! Ты лучше помоги, — добродушно отшучивался сержант, кряхтя под тяжестью груза.

— Есть мне время таскать твоё барахло, — кипела регулировщица.

— Это не барахло, а подарки, дорогой товарищ, ташкентские подарки.

Веселый сержант поставил свой тяжелый и объемный груз на обочину дороги, отряхнулся, поправил ремень на шинели, чуть надвинул на лоб пилотку и строевым шагом подошел к регулировщице.

— Разрешите обратиться!

— Разрешаю.

— Во-первых, вот вам привет из солнечного Узбекистана, — он вынул из кармана шинели небольшой пакетик.

Регулировщица, засунув флажок за голенище сапога, развернула пакетик и радостно вскрикнула:

— Курага! Изюм! Вот так подарок! Девчата!

Из землянки, скрытой густыми кустами орешника, высунулись две девичьи головы в беретах.

— Во-вторых... во-вторых, прошу посодействовать добраться до хозяйства полковника Лебедева, — торжественно закончил сержант.

Регулировщица удивленно спросила:

— Что это всем сегодня в хозяйство Лебедева понадобилось?

— Как всем?

— Да вон и товарищу лейтенанту туда же...

Так состоялось мое знакомство с сержантом Мадраимом Мадумаровым, возвращавшимся после тяжелого ранения из отпуска, который он провел в родном Узбекистане.

Я не придавал бы никакого значения этому знакомству. Однако впоследствии обстоятельства сложились так, что Мадраим оказался первой вехой на пути, по которому я мог найти своего героя.

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Темной ночью прибыли мы с сержантом Мадумаровым в одно из подразделений полка Лебедева. И здесь я получил первые «координаты» батальона Абдурахманова.

Начальник штаба, высокий белокурый капитан с длинным унылым носом и перевязанной щекой, все время морщась от сильной зубной боли, развернул передо мной карту.

— Еще сегодня утром он был здесь. — Капитан ткнул длинным жестким ногтем в черный кружочек, обведенный

жирным красным кольцом. От кружочка в разные стороны вилась черная паутина дорог.

— Батальон Абдурахманова разгрыз этот фашистский орешек. В полдень этот пункт был в наших руках. Но к вечеру все полетело к чертям: связь с Абдурахмановым прервалась... А, черт! — он на минуту умолк, схватившись рукой за щеку. — Наш батальон не соприкасается с батальоном Абдурахманова. Мы вот здесь. — Капитан обвел пальцем подобие круга в стороне от кружочка в красном кольце. — Мы — в лесу, и перед нами лес.

За плащ-палаткой, делившей блиндаж на две части, загудел полевой телефон.

— Але! «Висла» слушает! У чем дило, — закричал в трубку звонкий голос с мягким украинским выговором. — «Волга» вас требует, товарищ капитан!

Идя к телефону, капитан обещал утром дать мне в проводники своего ординарца.

Я вышел из блиндажа в густой чернильный мрак. Надо было искать землянку связистов, где я условился встретиться с сержантом Мадраимом.

В воздухе стоял острый запах гари. Не было слышно ни артиллерийской канонады, ни грохота взрывов, но далекие хлопки редких выстрелов, треск коротких пулеметных очередей, могучие вздохи моторов танковых подразделений, базировавшихся в окружающем лесу, наполняли этот мрак горячим дыханием наступления.

Голубые ножи прожекторов полосовали небо во всех направлениях. Разноцветные ракеты, как искры большого костра, вспыхивали и гасли над черной стеной леса.

Спускаясь по неровным высоким ступенькам в блиндаж связистов, я был несколько смущен тишиной, царившей там. Туда ли я попал? Но, войдя в блиндаж, я понял, что не ошибся. Вокруг большого стола сидели и стояли солдаты. Все взгляды обратились в мою сторону. Увидев меня, кто-то разочарованно сказал:

— Опять не он!

— Вы кого-то ждете? — спросил я рассеянно, вглядываясь в темный уголок, где на нарах, покрытых ветками хвой, я решил устроить свой ночлег.

— Так точно, товарищ лейтенант, — ответил солидного вида старшина. На его лице, покрытом крупными рябинами и густой золотистой щетиной, играла озорная улыбка. — Гости у нас ныне знаменитые на весь полк.

— Один уже здесь, — звонким голосом крикнул молодой солдат в шапке, лихо сдвинутой на самый затылок так, что вся копна черных кудрявых волос была на виду, — нате, любуйтесь!

— Стой, не галди, — с прежней улыбкой прикрикнул на него старшина. — Так что, так точно, один здесь, а другого ждем... Думали: это он, а оказалось, вы...

А тот, кого ожидали, пришел никем не замеченный, пока окружавшие меня солдаты переребой объясняли «обстановку».

Мы услышали чей-то громкий и радостный возглас:

— Мадраим! Да неужели это ты?

— Салом, брат Василий Андронов!

— У черт, все равно как медведи... — сказал кто-то, восхищенно глядя на обнимавшихся солдат. Фронтальная лампа из артиллерийской гильзы и куска шинельного сукна тускло освещала эту радостную сцену. Мадраим и Андронов гулко хлопали друг друга по спине, сжимали в объятиях до хруста в костях. По стенам и потолку скользили причудливые тени. А люди, стоявшие вокруг них плотной стеной, с восторгом смотрели на эти проявления большой солдатской дружбы.

— Вот, значит, свиделись, а?.. — сказал Андронов, усаживаясь рядом с Мадраимом.

На невысокой коренастой фигуре Андропова сидела крупная голова, и все на ней было крупным — нос, подбородок, губы. Небольшими казались только светло-серые глаза.

Андронов... Андронов...

Теперь я припомнил не только эту фамилию, но и

статью за такой подписью, помещенную в нашей газете. Андронов писал в ней об отважном разведчике узбеке Мадраиме.

Вскоре после того, как мы поместили статью Андропова, к нам в редакцию заехал полковник Лебедев.

— Приехал поблагодарить! — сказал он гулким басом.

Его подтянутая фигура дышала силой и здоровьем.

— Я старый солдат. Много видел на своем веку. Можете поверить мне — статья Андропова о Мадраиме подняла боевой дух солдат. Да и сам-то Андронов молодец, можно сказать — гордость полка.

Мы, польщенные похвалой полковника, испытывали такую гордость, словно сами совершили геройский подвиг...

Сейчас Андронов и Мадраим перед моими глазами.

— Откуда теперь? — спрашивает Андронов.

— Из Москвы. А ты?

— А я как раз с другой стороны.

Оказывается, Андронов — из батальона Абдурахманова. Он прибыл в штаб полка, куда доставил пленных немецких офицеров.

Люди плотнее сдвинулись вокруг друзей. Если Мадраиму хотелось скорее узнать фронтовые новости, то остальным не терпелось услышать о Москве, о далеком тыле.

— Давай рассказывай, не тяни!

— Как там жизнь и вообще?..

Мадраим распутывает веревки на одном из баулов и извлекает из него аккуратно завязанные мешочки.

— Угощайтесь, — говорит он, высыпая на стол их содержимое.

Горки изюма, сушеного урюка, кураги появляются на столе. Кто-то крикает от удовольствия:

— Такое дело следовало бы спрыснуть.

— Ну, ну! — ворчит старшина. — Завтра — горячий день, не до того.

А сам, между прочим, встает, идет в противоположный

угол землянки и возвращается с трофейной немецкой флягой в суконном чехле.

— Вот тут осталась самая малость, но на двоих хватит, — говорит он и кладет флягу на стол.

— А мы к ней добавим. — Глаза Мадраима хитро улыбаются. Он извлекает из баула две бутылки, аккуратно обернутые бумагой.

— Пожалуйста, прошу, — Узбеквино!

Булькает осторожно разливаемое в кружки вино. Солдаты чокаются и, обильно заедая небольшие порции водки изюмом, урюком, курагой, комментируют:

— Значит, лучше жить стали. Это хорошо.

— На сердце у них веселее стало.

— Знамо, какая радость каждый день сводку слушать: наступаем

Мадраим кричит в мой угол, где я уже устроился на ночь:

— Товарищ лейтенант, просим к столу.

Я думал, что они забыли обо мне, и был рад этому. Наблюдая развернувшуюся передо мной спокойную картину, я уже обдумывал детали корреспонденции, посвященной этой встрече.

Хлопотливый старшина поднес мне кружку с водкой и сушеные фрукты на куске газетной бумаги.

Когда все расселись за столом, Мадраим обратился к Андронову:

— Ну, а как насчет семьи, Василий-ака¹, что-нибудь слышал?

— Нет, брат, пропала, видно, моя семья.

Андронов, положив на стол свои сильные руки, сжал пальцы до хруста в суставах.

Бойцы у стола замолкли. Слышно было, как потрескивает фитиль в самодельной лампе. Вдруг Мадраим хлопнул друга по плечу и весело сказал:

¹ Ака — старший брат; почтительное обращение к мужчине (узб.).

— Не грусти! Может, еще все будет хорошо.

Андронов сидел, не шелохнувшись, не отводя глаз от трепетного пламени лампы.

— Э, брат, тебе легко так говорить: ты из дома, из родной семьи...

Словно в ответ Мадраим вынул какой-то пакет из баула и, протянув его Андронову, сказал:

— Это тебе. Из Ташкента. Сказали: «Передай прямо в руки гвардейцу-разведчику Василию Андронову».

Андронов недоверчиво посмотрел на Мадраима, подозревая, что тот над ним шутит.

— Бери, бери, не бойся. Не взорвется.

Андронов взял. В пакете оказался черный атласный кисет со скромной, но красивой вышивкой.

— Рахмат¹, Мадраим. Кисет хорош, нет слов. У меня за войну этот кисет по счету, как бы не соврать, наверно, десятый будет...

Чтобы не обидеть друга, Андронов старательно разглаживал шелковую материю, но видно было, что он не в восторге от подарка.

— Всякие бывали кисеты, — продолжал он, — один был даже плюсовый с беленьким ушастым зайцем, а в кисете записочка с каракулями: «Папа! Бей фашистов!»

— Этот кисет, Василий, — особенный. — Лукавые искорки снова заиграли в глазах Мадраима.

— А ну тебя к шуту! — засмеялся Андронов и положил кисет в карман, считая разговор исчерпанным.

— Ай-ай-ай, — покачал головой Мадраим, — какой ты, однако, не любопытный. А еще разведчик! Ты посмотри, что в кисете!

Андронов достал из кармана кисет, извлек из него треугольником сложенный лист бумаги, развернул и стал читать. Мы все были заинтересованы.

Все серьезней становилось лицо Андропова по мере того, как он читал письмо.

¹ Рахмат — спасибо (узб.).

Перевернув страницу, он, прежде чем продолжать чтение, строго посмотрел на Мадраима. Тот не опустил глаз, выдержал. Андронов продолжал читать, и вдруг в глазах его заблестели слезы. Окончив чтение, он бережно положил письмо перед собой, ласково поглаживая его большой ладонью. Слезы, оставив на обветренных щеках влажные следы, застряли на усах.

— Неужели это правда? Скажи, Мадраим, — это правда?

— Ну, конечно, Василь-ака!

— А ты ее видел?

— Видел, разговаривал и вот письмо привез...

Тут Андронов вскочил, от прилива чувств хотел было грохнуть мощным кулаком по столу, но удержался и, вопрошительно глядя вокруг, спросил:

— Эх, что бы мне сделать сейчас, дорогие мои товарищи? Ведь семья нашлась! Грунюшка — моя голубушка, ребятишки!..

Послышались восклицания:

— Радость-то какая, а!

— Теперь солдат вздохнет!

— Еще бы!

А Андронов продолжал:

— Да неужели это все наяву? Мадраим, голубчик, стукни меня как следует, чтобы я почувствовал, что все это не во сне!

Мадраим, добросовестно выполнив просьбу товарища, спросил:

— Еще, что ли?

— Нет, хватит. А теперь рассказывай, как ты ее нашел?

Все слушали, затаив дыхание.

— Пригласил райком партии фронтовиков в клуб текстильного комбината на встречу с передовиками производства. Много народу было. Все женщины. Рассказывали они, как трудятся для победы. Много работают, хорошо

работают, а жизнь трудная: на пайке. Потом попросили фронтовиков выступить... Знаешь, Василь-ака, вышел я к трибуне и думаю, разве про войну так расскажешь, как про работу на заводе, где все по часам, по гудку, по порядку. И решил я рассказать, как мы с тобой однажды, еще до Смоленска, в разведку ходили, как ты нес меня, тяжело раненного, на своих плечах и в то же время тащил на аркане пленного немца. Ты знаешь, оратор я не больно хороший, больше люблю слушать, а не говорить. А тут растрогал женщин-работниц своим рассказом — всхлипывают, слезы утирают. Только сошел я со сцены, ко мне женщина подходит. Встревоженная, волнуется, голос дрожит.

— Скажите, пожалуйста, товарищ, как этого Андропова зовут? Не Василием ли?

— Точно так, — говорю, — Василием.

— Ивановичем?

— Ивановичем.

Тут вокруг нас женщины собрались — узбечки и русские — ее подруги. Все ахают, охают, радуются. Товарищ из президиума спрашивает, что за шум...

Ему кричат:

— Андропова мужа нашла!

Слышу, весь зал аплодирует, все встали.

Мадраим задумался, припоминая, как все было, чтобы не упустить ни одной подробности. Помолчав, продолжал:

— А потом в зале закричали: «Андропова, расскажи, как ты работаешь, чтобы муж твой мог тобой гордиться». Но она выступать не стала: не до того ей было. О ней рассказали ее подруги. Одна узбечка прямо с места крикнула:

— Скажите гвардейцу разведчику Андропову, что его жена, Груня-апа¹, гвардеец труда!

---

¹ А па — старшая сестра; почтительное обращение к женщине (узб.).

— Потом Аграфена Власьевна, — Мадраим старательно выговаривал непривычное имя, — приходила к нам домой и рассказывала, как она с детьми покинула перед приходом фашистов родное село, как после долгих скитаний попала в Узбекистан и стала текстильщицей.

Мадраим умолк, и все кругом молчали. Была глубокая ночь. Даже близкие огневые позиции притихли как бы в предутреннем сне.

— Ну, сержант, — послышался чей-то голос, — теперь прямо на самолете свою полевую почту посылай...

Это сказал пожилой бородатый солдат... Он сидел на нарах и скручивал козью ножку.

— Повезло тебе, сержант, — продолжал он. — Каждый из нас рад твоему счастью. А у меня вот другая судьба... — Голос его дрогнул, из-под густых, мохнатых бровей блеснули гневные искры.

— Всех пожег проклятый Гитлер! А старшенькую дочку Настю на позор в Германию угнал... Разбередили вы меня, солдаты... Сил нет терпеть...

Солдат поник головой. Его широкие плечи вздрагивали от глухих, с трудом сдерживаемых рыданий.

Точно ветром сдуло улыбки с солдатских лиц.

— Слезами горю не поможешь, — успокаивали они товарища.

— Будет тебе, Мирон, крепись!

— Знаю, что не поможешь, — отвечал он, — да вот как вспомню...

Постепенно волнение улеглось и в землянке все стихло. Солдаты спали на душистых ветках хвои.

Не помню, когда легли, наконец, друзья — Мадраим и Андронов. Меня свалила усталость, и я крепко заснул, положив голову на полевую сумку.

Разбудил нас звук, мощный, как труба.

— Подъем! Вставай!

Мне показалось, что я только что уснул.

В двери землянки, на сером фоне рассвета, стоял ря-

Боватый старшина. Он весело скалил крупные белые зубы и кричал:

— Вставай! Выступаем!

Я вскочил.

Возле землянки солдаты грузили на двуколку мотки проволоки, ящики с аппаратами, шести для воздушной проводки. Мимо нас, подпрыгивая на кочках и ныряя в глубоких ухабах, проскочили раскрашенные «виллисы» с противотанковыми пушками на прицепе. В одной машине сидели артиллеристы и на ходу ели кашу из котелков.

— Держи крепче! — шутили связисты.

— Приятного аппетита!

— Кушать с нами! — отвечали с машины.

— Да разве вас догонишь?

Лейтенант, командир связистов, не по годам тучный, но очень подвижный, несмотря на комплекцию, увидев меня, спросил:

— Вы, кажется, из газеты, товарищ лейтенант? Вчера начальник штаба сказал мне, что вы будете добираться с нами до передовой. — Он снял фуражку и вытер рукавом высокий лоб с редким хохолком светлых волос. Видно было, что лейтенант уже давно на ногах.

— Сидоренко! Сидоренко! — вдруг закричал он кому-то.

Перед нами, будто из-под земли, вырос веселый старшина.

— Что прикажете, товарищ лейтенант?

— Где вторая двуколка? Сколько же времени грузиться будем?

— Все в порядке, товарищ лейтенант! Вон она где, а люди завтракают...

У высокой кучи хвороста, видимо, заготовленного впрок, стояла груженная доверху двуколка. Вокруг нее сидели и стояли солдаты с котелками, из которых шел ароматный пар.

— Правильно, молодцы! — одобрил лейтенант. И вдруг, надвинув фуражку на лоб, круто повернулся и пошел в сторону штабной землянки. — Извините, — крикнул он мне на ходу, — я скоро вернусь.

Однако я его не стал ждать. Аппетитный запах гречневой каши потянул меня к полевой кухне.

— К нам, товарищ лейтенант, — услышал я голос Мадраима. Со своим дружкой Андроновым он расположился у пенька, на котором дымился котелок.

Тут я узнал, что Андронов сейчас отправляется на розыски своего батальона, а Мадраим — в штаб полка, чтобы получить направление в батальон Абдурахманова. Сержант не мог примириться с мыслью, что попадет после ранения куда-нибудь в трофейную команду; кроме того, ему хотелось быть снова рядом со своим другом Андроновым, первым его боевым наставником.

Тем временем Андронов, положив лист бумаги на твердую стенку фанерного мадраимовского баула, писал письмо.

— Да поешь ты сначала, — уговаривал Мадраим, но Андронов отмахивался и продолжал писать. Мы уплетали кашу. Когда Андронов закончил письмо, содержимое котелка уже исчезло в наших желудках. Мадраим побежал за добавкой. Пока его не было, мы с Андроновым договорились вместе добираться до батальона Абдурахманова.

Через час на лесной полянке никого не осталось.

В раскрытые двери домов, покинутых нами, заползал утренний холодок, за большой кучей хвороста мелкий дождичек заливал следы солдатской кухни. Горячие угли тихо шипели, покрываясь черной коркой. На развилке двух узких лесных дорог мы с Андроновым проводили взглядом последние повозки батальона, который уходил на огневые позиции. С Мадраимом распрощались несколько раньше. Он погрузил оставшиеся подарки на подводу, отправляющуюся в штаб полка, а сам пошел пешком. Мадраим долго оглядывался в нашу сторону, махал пилоткой, пока лес и кустарники не встали между ним и нами плотной стеной.

— Свидимся ли? — шептал про себя Андронов.

Андронов рассчитывал в полдень рапортовать Абдурахманову о доставке пленных офицеров в армейскую комендатуру. Поток автомашин и боевой техники, стремившийся к линии фронта, остался уже позади. Тысячами ручейков он растекался возле мрачных прусских фольварков, превращенных в опорные пункты, рядом с глубокими канавами траншей, густо окутанных колючей проволокой. Во многих местах еще торчали колышки с зловещими надписями «минен».

— Вон за теми домами, — указал Андронов на группу строений с развороченными крышами, — будет развилка. Мы пойдем влево до той рощицы...

Рощица еле угадывалась. Не прекращавшийся дождь размывал ее очертания. Но нам не пришлось идти влево. Молодой автоматчик с пышными черными усами, которые, по всей видимости, были предметом его старательных забот, преградил нам путь.

— Туда нельзя, — сказал он простуженным баском, махнув дулом автомата влево, — фриц прорвался. Весь день вчера пытались его выбить. Куда там! Большой силой прорвался. А закурить нет ли?

Мы угостили его табачком. Сделав две затяжки, автоматчик повеселел и, пристально посмотрев на Андропова, воскликнул:

— Да никак это ты, Андронов?! Смотри, какое дело! А ведь я сначала-то и не признал...

— А я тебя что-то не припомню.

— Мы же из одного батальона. Тут сейчас наша вторая рота...

Послышалось несколько глухих выстрелов, и над нами с воем и визгом полетели мины. Они взорвались на наших глазах, за каменными строениями.

— Вчера у нас командира тяжело ранило. Отправили в санбат.

— Кто сейчас за командира?

— Капитан Александров, замполит командира батальона. КП вон на той горке. Идите осторожно: немец во многих местах простреливает проходы.

До командного пункта мы добрались без приключений. Капитан Александров встретил нас приветливо. Я обратил внимание на его усталое лицо с глубоко запавшими глазами. У него была добрая улыбка, и не верилось, что его лицо может быть гневным. Но мне рассказали о его боевых подвигах, и я понял, что плохо читаю по лицам.

— Гости пожаловали! — обрадовался он, увидев нас. — Милости просим к огоньку!

В каменном подвале было тепло, в железной печурке весело потрескивали дрова.

— Ба, да тут сам Андронов! Откуда?

Сержант объяснил капитану, потом познакомились и мы.

Тут я узнал подробности вчерашних событий. После того как Абдурахманов занял опорный пункт гитлеровцев на развилке шоссе, батальон был расчленен фашистами, прорвавшимися из окружения.

— К сожалению, мы пока еще не установили их численности. По всей вероятности, и они ничего о нас не знают, потому что действуют робко. — Капитан помолчал, прислушиваясь к слабой перестрелке, а потом закончил:

— А тут еще несчастье: командира роты из строя вывели. Хороший был офицер...

— Почему «был»?

— Боюсь, что ранение смертельное, в живот.

КАПИТАН АЛЕКСАНДРОВ

Линия переднего края проходила всего лишь в сотне метров от КП. Оттуда доносились звуки вялой перестрелки. С нашей стороны начала действовать еще и дальноточная артиллерия. Ее далекие и глухие залпы доходили до нас после того, как где-то высоко над головами, с шур-

шанием и треском вспарывая воздух, пролетали тяжелые снаряды.

Каждый раз после такого выстрела капитан Александров поднимал вверх усталые глаза, прислушиваясь, и снова молча опускал голову.

Я думал о своих делах. И так, я уже почти в батальоне Абдурахманова и скоро смогу приступить к выполнению своей задачи. Я сказал об этом капитану и, увидев на его лице улыбку, решил, что он согласен со мной. Однако услышал я совсем другое:

— Нет, лейтенант, все-таки до абдурахмановского батальона далековато, — показав на запад, он добавил: — Там сейчас горячие дела... А впрочем, надеюсь, что мы скоро соединимся. Когда наши части закончат окружение...

К вечеру из штаба полка прибыл приказ: впредь до особых распоряжений не предпринимать самостоятельных действий.

Уже наступили сумерки, когда сверху, у входа, раздался голос:

— Разрешите войти?

— Войдите.

Каково же было наше удивление, когда мы при свете лампы увидели знакомую фигуру Мадраима — уже только с одним чемоданом.

— Товарищ капитан, прибыл в распоряжение командира батальона майора Абдурахманова.

Здоровое круглое лицо Мадраима выражало одну просьбу, одно желание, чтобы его поскорее отправили дальше.

Александров еще ничего не успел ответить, как слышался громкий шепот Андронова:

— Ай да Мадраим!

— Как же я тебя отправлю к майору? — спросил, улыбаясь, капитан.

— А мы сами доберемся, товарищ капитан.

— Кто это мы?

Мадраим смутился, но Андронов подсказал:

— Так что, он и я...

Все рассмеялись. А капитан сказал:

— Там посмотрим, а сейчас разыщи старшину Сметина, знаешь?

— Знаю, товарищ капитан, с одного года воюем.

— Ну вот, пусть он тебя снабдит всем, что положено солдату.

— Есть, товарищ капитан!

Темные, с лукавинкой глаза Мадраима радостно светились.

Я вышел из КП вместе с Мадраимом и Андроновым. Дождь прошел. Над горизонтом, как большой медный таз, висела луна. В ее мягком свете все принимало фантастические очертания.

Сержанты в сопровождении ординарца скоро скрылись во мраке, и я остался один.

Вокруг стояла тишина, которую можно было бы назвать мирной, если бы не было известно, что где-то притаился враг, готовый к внезапному нападению.

В нескольких десятках метров от меня зафырчала машина и, не зажигая фар, скрылась за домом с разбитой крышей. Слышались приглушенные голоса, лязг оружия, мелькали расплывчатые силуэты людей.

Чем больше сгущался мрак, тем ярче мерцали звезды, точно горячие угли, рассыпанные по небесному своду.

— Пойдемте ужинать, — услышал я голос. Рядом со мной стоял ординарец капитана.

Видно, я долго пробыл в одиночестве, так как возвратившись на КП, застал там Андронova и Мадраима в полном боевом снаряжении — они слушали последние указания капитана.

— Чтобы к рассвету быть здесь. — Бросив взгляд на часы, капитан добавил: — В вашем распоряжении пять часов.

— Куда это вы? — спросил я друзей, когда они направились к выходу.

— «Язычка» достать, товарищ лейтенант, — ответил Андронов, — счастливо оставаться.

— В добрый путь!

Плотный солдатский ужин мы заели ароматным и сочным урюком.

— Подарок Мадраима? — спросил я капитана.

— Да. Вон в углу целый кулек стоит. Это, говорит, ваша доля. Отказаться нельзя: обидится!

У двух телефонных аппаратов, стоявших на ящиках, дежурил степенного вида связист. Он, не торопясь, с аппетитом жевал вкусные плоды и с шумом разгрызал крепкие косточки урюка.

— Ну как, Савельев, вкусно?

— Так точно, товарищ капитан, дюже вкусно. Должно быть, много этой сладости у них в Узбекистане.

— Много, — ответил я за капитана. — Приезжай, увидишь.

— Это уж, надо полагать, когда война кончится.

— Да, надо полагать, — согласился капитан.

Мы разговорились с Александровым о тыле и фронте, о театре и немецких минометах, о литературе и о втором фронте, который, кажется, зашевелился наконец, — о чем только мы не говорили.

Несколько раз телефонный зуммер прерывал нашу беседу, приходили с переднего края связные от командиров взводов. Старшина о чем-то шепотом докладывал замполиту. Александров, закрыв глаза, молча слушал его и только кивал головой.

— Ладно, ладно, учту. Как там, все в порядке?

— Все в порядке, — отвечал уже громко украинец старшина.

Когда старшина ушел, капитан сказал:

— Это мой старый соратник. Участник первого боя под моим командованием, когда я еще был инструктором

политотдела... Немного странно, правда? Инструктор политотдела в роли командира. Если вам интересно, я расскажу, как это случилось.

Может ли быть военному журналисту неинтересен подобный рассказ?!

РАССКАЗ КАПИТАНА АЛЕКСАНДРОВА

К сожалению, я не запомнил, какой это был день — солнечный, пасмурный, жаркий или прохладный. Ведь для рассказчика необходимо вернуть где-нибудь описание природы, передать настроение. Да и на местности мне запомнились только ее тактические особенности: горка, овражек, лесок. Когда я добирался до переднего края, у меня в голове была одна забота: как бы получше провести с солдатами беседу, к которой я тщательно подготовился. Перед отъездом начальник политотдела дивизии напутствовал меня такими словами:

— К беседе, судя по конспекту, вы подготовились хорошо. Но, лейтенант, учтите, что не только это решает успех. Наша задача — пробиться к сердцу каждого солдата. А оно застыло в боях, среди грохота орудий и стонов умирающих товарищей. Поэтому вам следует быть не просто лектором, обязанным по долгу службы прочесть «от и до», но в первую очередь — посланцем партии...

Кстати сказать, и лекция моя была на тему об организующей роли партии в Великой Отечественной войне.

Не буду скрывать: я сильно волновался, хотя всячески стремился не показать этого — ведь на самом переднем крае я был впервые. День выдался относительно спокойный. Бои происходили где-то в воздухе. Временами доносились глухие пулеметные очереди и взрывы сброшенных с высоты бомб.

Заместитель командира роты, низкорослый офицер с заметным брюшком и открытым лицом, с которого военные невзгоды не могли стереть добродушного выражения, приветливо встретил меня.

— Где же нам расположиться? Потапенко!

По ступеням землянки загрохотали чьи-то шаги, и в землянке появился старшина, полная противоположность командиру — высокий и тощий, как складной аршин.

— Потапенко, нужно вывести второй взвод в лошину позади траншей. Для беседы.

Добрались мы до лошины вполне благополучно, хотя во многих местах старшина, сгибаясь, словно складываясь пополам, говорил почему-то шепотом:

— Здесь фриц простреливает.

Солдаты спускались в лошину небольшими группами. Вместе с последними пришел и командир взвода, совсем юноша, но с лихими, черными, как смоль, усами и новеньким трофейным автоматом на груди. Мы поздоровались с ним, и я почувствовал в своей руке его шероховатую огрубевшую ладонь.

— Ну вот, лейтенант, все налицо, кроме тех, кто остался в траншеях для наблюдения, — сказал он. — Курить можно?

— Да, пожалуйста, — я подумал, что в этой обстановке, в нескольких десятках метров от переднего края, можно отступить от тыловых правил.

Солдаты дружно опустили на траву, закурили сигарки, и вскоре над нами заструился синий махорочный дымок.

Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, что аудитория, перед которой я находился, состояла из людей, уже основательно опаленных огнем войны. У многих на пропыленных и застиранных гимнастерках с латаными локтями и с рваными краями поблескивали яркой эмалью, золотом и серебром боевые ордена и медали. Даже по тому, как они держали оружие, как небрежными движениями передвигали гранаты, висевшие на ремне, можно было судить, что все это для них так же привычно, как для мастера его станок. А в глазах, смотревших на меня, мне чудился вопрос:

— С речами ты выступать мастер, а вот посмотреть бы тебя на нашем месте, каков ты будешь?

И каких только не было тут глаз: злых, суровых, равнодушных, насмешливых, ободряющих, доброжелательных.

Я чувствовал себя не совсем удобно в своей новенькой гимнастерке со свежим подворотничком. В штабе дивизии мне сказали, что полк, в который я направляюсь, давно нуждается и в отдыхе, и в пополнении.

Постепенно я собрался с мыслями и, не отвлекаясь никакими посторонними размышлениями, начал развивать идею своего доклада.

Тема доклада и факты, которыми я пользовался не могли не волновать моих слушателей. Это было как бы дополнением к тому, что они уже знали из газет, из писем родных и, наконец, из боевой жизни своего же полка. Я уже заканчивал доклад, и мне казалось, что в глазах слушателей нет прежней отчужденности. Ну, — думал я, — когда начнутся вопросы и ответы, что бывает самым интересным в таких беседах, я завоюю сердца солдат.

И можете мне поверить, завоевал! Только не ответом на вопросы — их никто не успел задать.

...Потрескивал фитиль в лампе из артиллерийской гильзы, степенный связист, опустив голову на ящик телефонного аппарата, тихо посапывал, шевеля во сне губами.

Александров, не мигая, смотрел на неяркий желтый язычок копилки и молча улыбался каким-то своим мыслям.

— Вот я сказал: завоевал. Похоже, что бахвалюсь. Кто подтвердит? Старшина? Ведь больше некому. Одних скосила война, других сделала инвалидами, третьих развеяло по другим фронтам... А теперь слушайте, что произошло дальше.

Закончить доклад мне не удалось. Мы внезапно были оглушены ураганной пальбой фашистской артиллерии. Огневой шквал налетел и на нашу лошину, прижав нас к земле. Несколько взрывов один за другим потрясли землю

и воздух, на наши головы посыпались комья земли, корни кустарников. Солдаты, инстинктивно схватившись за оружие, повернули головы в ту сторону, где сидел юный усатый лейтенант.

Он уже не сидел, а медленно вставал. Одной рукой он схватился за живот, а другую пытался вытянуть в сторону траншей. Из-под пушистых черных усов показалась струйка крови. Встать ему так и не пришлось. Он вдруг задрожал и без стопа упал на спину, широко раскинув руки.

А кругом бушевал огневой ураган. Он то удалялся, то вновь подбирался к нашей лоштинке, забрасывая нас землей и осколками.

Неожиданно к грохоту гитлеровских батарей примешались новые звуки. Ошибиться было невозможно: шли фашистские танки.

Необходимо было немедленно вернуть взвод в траншею. От моей распорядительности зависел успех дела. Ведь я здесь старший. Но как оторваться от земли, которая так и тянет к себе? И только одно огненное слово, мелькнувшее в мозгу, дало мне силы: «Коммунист!» Да, как коммунист, я должен быть впереди, несмотря ни на что!

— Слушай мою команду! — закричал я во всю силу своих легких. Меня услышали. Я догадался об этом по тому, как лица солдат повернулись ко мне.

Наконец, преодолен и самый мучительный момент: я оторвался от земли, согнувшись, побежал вверх, к тому месту, где лежал убитый лейтенант. Он лежал с закрытыми глазами. Его лицо казалось спокойным. Если бы не предательская струйка крови, можно было подумать, что он спит. Сняв с его груди трофейный автомат, я крикнул:

— За мной!

Назад я не оглядывался. Я слышал яростный топот ног бегущих за мной солдат и треск разламывавшихся под их ногами кустарников. Вскоре кустарник кончился, и вдруг, совсем неожиданно, я очутился на открытом со всех сторон пригорке.

— Левее! Левее, товарищ лейтенант, — услышал я голос. Предупредили меня вовремя. Пригнувшись почти до земли, я пробежал несколько шагов и прыгнул в траншею. В это время моя фуражка, сбита пулей, взлетела на воздух, а лоб ощутил горячее дыхание вражеской пули.

Зато, пробегая по пригорку, я увидел, как на ладони, маневр гитлеровских танков, которые шли гуськом по неглубокой впадине, намереваясь, очевидно, разрезать наши позиции. Стрельбу они вели по флангам, пытались подавить пулеметные и противотанковые огневые точки, опасные для них с боков.

Солдаты заняли в траншее свои места.

— Стрелять не спешите. Подпустим ближе.

— Так точно, товарищ лейтенант, — ответил пожилой бронейщик с двумя нашивками за ранение. — Не мешало бы связочку гранат приготовить. На нас повернут, мы тогда в лоб их не свалим.

Огневой шквал ушел в глубь тыла. Послышался рокот самолетов. Они показались густой стаей над дальним лесом за вражескими позициями. С каждой секундой нарастал их шум, пока не слился в сплошной рев. Фонтаны земли поднялись над траншеями наших соседей. Теперь я уже не сомневался в своих предположениях: на нас падала задача отразить с флангов врага и обратить его в бегство.

Танки, дойдя до линии проволочных заграждений, замедлили ход: они боялись минных полей. Я приподнял голову над бруствером и в этот момент услышал выстрел из окопчика пожилого бронейщика. Со вторым танком что-то случилось. Он делал безуспешные попытки двинуться вперед или назад, а вместо этого крутился на одном месте. Крышка люка зашевелилась, но оставалась закрытой: пули щелкали по броне танка, как дождь, и, конечно, никому из экипажа не хотелось рисковать жизнью.

Бронейщик сделал второй выстрел, танк задымился.

Мы не смогли увидеть, что произошло дальше с этой машиной, так как головной танк, а за ним и остальные,

повернули в сторону наших траншей и начали медленно подбираться к проволочным заграждениям.

— Гранаты приготовлены, разрешите, товарищ лейтенант, — услышал я голос позади себя.

Я оглянулся. Передо мной стоял солдат, который, как мне казалось, особенно недоброжелательно смотрел на меня перед моим докладом. Теперь в его глазах было столько доверия и дружественного сочувствия.

— Разрешите, товарищ лейтенант, — повторил он. — Мы устроили маленькую лазейку в проволочных заграждениях — я по ней проберусь... У нас тут только противопехотные мины поставлены, а они ему — что орехи.

Головной танк подходил к проволочному заграждению. Бронебойщики поливали огнем всю его лобовую часть, но безуспешно.

— Идите, — сказал я солдату, мысленно представляя себе его трудный и опасный путь.

Снаряды, выпущенные из танков, ложились далеко позади траншей. Каждый такой выстрел мы встречали громким криком, в нем была и радость, и издевка над вражескими танкистами.

Все же и у нас появлялись и раненые, и убитые. На левом фланге замолк пулемет. Оба пулеметчика лежали с простреленными головами. А пулемет должен был действовать.

— Пулеметчики есть? — крикнул я по траншее. На мой крик прибежал совсем молодой солдат без пилотки, с исцарапанным до крови лбом.

— Позвольте, товарищ лейтенант.

— А можешь?

— Да, поди, сумею...

Мы оттащили в сторону трупы убитых, и солдат, почему-то поплевав на ладонь, схватился за пулемет.

Длинная пулеметная очередь подтвердила, что солдат не подведет.

Мне некогда было заниматься подсчетом, но я отлично

видел, что ряды наши рдеют. Просить помощи? А разве на командном пункте не знают, что здесь творится?

Долго ли мы продержимся? Долго ли?

Головной танк с грозным ревом уже подминал под себя колючую проволоку заграждений, его пулеметы поливали

свинцом все вокруг себя. Стрельба прекратилась. Солдаты, прижавшись к стенкам траншеи, готовили последнее оружие — связки гранат.

Вдруг громкий звук взрыва заглушил все. Наступила такая тишина, в которой, казалось, слышно было биение собственного сердца. Вокруг нас закружились черные космы дыма. Я поднял голову над бруствером и увидел совсем рядом пылающий фашистский танк. Откинулась крышка люка, и над башней, в пляшущих языках пламени, появилось искаженное ужасом человеческое лицо. Объятый пламенем фашист рухнул вниз.

Окончился миг тишины. Грозный рев моторов снова оглушил нас. На этот раз на бреющем полете шли советские самолеты. Мы получили помощь с неба. В несколько секунд все видимое поле перед нами утонуло в облаках дыма, земли и металла, поднятых ввысь бомбовыми ударами наших летчиков. Когда пыль рассеялась, мы уже не видели немецких танков: они ушли в свое логово, оставив на поле боя еще две подбитые машины.

Вскоре связь с командным пунктом роты была восстановлена, меня позвали к телефону. И тут-то я впервые услышал голос Абдурахманова. Сначала он очень удивился незнакомому голосу. Мне пришлось обстоятельно объяснить ему, что произошло.

Этот первый короткий телефонный разговор с Абдурахмановым решил мою дальнейшую судьбу.

— Лейтенант Александров, — сказал он мне, — я прошу вас оставаться на своем посту до моего прибытия.

А прибыл он ровно через пятнадцать минут: не так уж далеко было добираться до наших траншей от землянки командира роты.

За это время я успел лишь обойти свои траншеи и подвести некоторые печальные итоги. Сержант Сметанин, старшина, которого вы сейчас видели, уже эвакуировал всех тяжело раненных и распорядился оказать помощь легко раненым на месте. Здоровые приводили в порядок нашу земляную «фортификацию» — траншеи, пулеметные гнезда и прочее.

Я подошел к группе солдат, чинивших фашинскую стенку пулеметного гнезда, и угостил их папиросами. Закуривая, я заметил, что они смотрят на меня не так, как смотрели часа полтора тому назад. И понял я, что меня породнила с ними смертельная схватка с врагом, в которой каждый из нас, не задумываясь, отдал бы жизнь за другого.

— Лейтенант! Где же вы? — услышал я за спиной громкий голос. Я обернулся. На повороте траншеи стоял

среднего роста стройный офицер узбек. Это был Абдурахманов.

— Герой! Герой! — говорил он, направляясь ко мне и протягивая руки. — Спасибо вам! — Он крепко обнял меня и поцеловал в щеку.

Я смутился и покраснел. Вокруг меня все заулыбались.

— Как, солдаты, оставим его у себя? — обратился он с шутивным вопросом к окружающим, все еще держа меня за плечи.

И за солдат ответил я сам.

— Я тоже хочу остаться с ними. Подаю рапорт...

...Александров закрыл глаза и долго-долго молчал, как будто что-то вспоминал. Наконец, тихо сказал:

— Так закончилась беседа, беседа коммуниста с солдатами об организующей роли партии в Великой Отечественной войне... Давайте, товарищ военный корреспондент, прикорнем немножко перед рассветом, на солдатский манер.

Впрочем, спали мы не совсем по-солдатски: на пуховых перинах, которые заботливый старшина притащил сверху, из брошенного немцами дома.

Но еще раньше чем рассвет пустил над землей свои первые голубые стрелы, нас разбудил шум у порога землянки.

В РАЗБИТОМ САРАЕ

Капитан Александров приподнялся на локтях прислушиваясь.

— Что за чертовщина?

Дверь открылась, и на пороге появилась серо-зеленая фигура немецкого солдата. Он стал спускаться со ступеней, спокойно оглядываясь по сторонам. За первым солдатом из темноты вынырнул второй, потом третий... Мы вскочили, как подхваченные ветром. У телефониста в ру-

ках уже оказался автомат. Он угрожающе щелкнул затвором и закричал:

— Хальт! Хальт! Хенде хох!

Немцы растерянно переглянулись и нерешительно стали поднимать руки. Тут мы заметили, что они были без оружия.

— Не шуми, не шуми! — раздался из темноты коридора голос Василия Андропова и вслед за четвертым немцем показалась его коренастая фигура, увешанная трофейным оружием. Замыкал всю эту странную процессию Мадраим, волоча на веревке еще одного человека в серо-зеленом.

Капитан Александров вопросительно смотрел на друзей, ожидая объяснений.

— Разрешите доложить, товарищ капитан, — начал было Андронов.

— Рассказывай, рассказывай, — нетерпеливо преребил Александров.

Но сначала немцев отвели в дальний угол подвала и разрешили им сесть на пол. Мадраим развязал руки своему пленнику. Серо-зеленые, под цвет мундира, глаза фашиста зло смотрели из-под светлого, низко опущенного чуба. Фуражку он, видно, потерял в схватке. А схватка была горячей, если судить по его мундиру, испачканному грязью, ссадинам и кровоподтекам на руках и жирном отечном лице.

— За этим надо смотреть в оба, — спокойно сказал Мадраим.

— Будем смотреть вдсятеро, — пошутил капитан.

— Может быть, ты доложишь, сержант? — спросил Андронов своего друга. — Ты все-таки больше меня пострадал...

Мадраим смущенно отвернулся, но мы уже успели заметить у него под глазом большой синяк.

— Ты старший, ты и докладывай.

Андронов оглядел пленников, молча и настороженно

сидевших в углу, и рассмеялся громко и задорно. Глядя на него, засмеялся и Мадраим, изредка прикладывая ладонь к сияю.

— Да, было дело, товарищ капитан, — промолвил наконец Андронов. — По нынешним временам это у них, поди, целый взвод, тотальный взвод. Вон и фольксштурм тут. — Он показал пальцем на двух пожилых немцев, обросших седой щетиной.

— Я, я, фольксштурм, — часто кивая головой, заговорил один из них. — Гитлер шорт — капут! Коншай воеват!

— Это был наш главный помощник, — перебил словоохотливого немца Мадраим.

Наконец, у капитана лопнуло терпение, и он решительно заявил:

— Ну, хватит болтать, рассказывайте по порядку.

Историю, рассказанную Андроновым, я впоследствии обработал для «Суворовца» в виде небольшого рассказа разведчика, и на нашем участке фронта ее передавали из уст в уста. Нередко рассказчики дополняли мой короткий скромный рассказ новыми подробностями. Так что в конце концов, уже перед самой капитуляцией фашистов, мне пришлось выслушать историю, описанную мной, в таком виде, что ей мог бы позавидовать сам Тартарен из Тараскона¹.

Это было на коротком солдатском привале в цветущем саду на окраине маленького немецкого городка, уже за Одером. Рассказчик говорил о том, как храбрые разведчики привели роту пленных немцев вместе с пушками и танками. Слушатели, пуская голубоватые струйки махорочного дыма, одобрительно кричали, когда разведчики находили выход даже из особенно трудного положения. Верили или не верили солдаты рассказчику? Ясно было одно:

---

¹ Герой популярного одноименного романа французского писателя А. Доде.

они уже поняли, что сильнее своего врага, и это было главное. А в действительности произошло вот что.

Ночь была чернее сажи, но Андронов особым чутьем разведчика выбрал нужное направление, когда последняя застава на шоссейной дороге пропустила их через завалы и минные заграждения.

— Ну как, Мадраим? — спросил шепотом Андронов своего друга.

— Порядок! — ответил тот и дружески сжал ему руку повыше локтя.

— Здесь идти не так уж страшно. Минные поля — редкое дело. Не успевают фашист окапываться. На пятки наступаем... Во как гоним! Иди за мной.

Дождь кончился. В бороздах на озимом поле осталось много воды. Ноги вязли в глинистой почве, двигаться было тяжело, а главное трудно соблюдать тишину.

Мадраим видел перед собой только черный силуэт Андропова. Он то пропадал на фоне черной земли, то снова появлялся на более светлом фоне неба. Забирая влево от шоссе, они поднялись на какую-то возвышенность. Вскоре рядом с черными тенями деревьев показалась какая-то постройка. Андронов, который держал курс на нее, вдруг резко остановился и схватил Мадраима за плечо.

— Слышишь? — прошептал он в самое ухо.

Действительно, откуда-то долетало неясное бормотание.

Разведчики присели на корточки и, поворачивая головы из стороны в сторону, пытались угадать, откуда могли идти эти звуки. Хоть бы повеял ветерок, легче было бы ориентироваться. Но воздух был недвижим. Соблюдая предосторожности, они почти ползком стали продвигаться к темневшему впереди строению.

Вскоре они убедились, что там люди. Говорили ло-немецки. Иногда звуки переходили в шепот, иногда кто-то вполголоса отчаянно ругался.

С той стороны, откуда ползли разведчики, оказался кусочек живой изгороди. Удобно маскируясь за ней, Андро-

нов решил «изучить обстановку», как шутя говорил он в подобных случаях. Мадраим вел наблюдение с другой стороны.

В кромешной тьме, окружавшей разведчиков, трудно было ориентироваться, но все же Андронов установил, что перед ними большой сарай с разбитой крышей; сквозь черную решетку стропил кое-где просвечивали звезды. Он даже припомнил, что это за сарай. Батальон Абдурахманова проходил здесь всего три дня тому назад. Отсюда, с горки, наши автоматчики выкурили гитлеровский гарнизон из фольварка, лежащего по ту сторону холма.

Андронов мысленно раскинул топографическую карту, на которой обозначен пункт, где сейчас находится майор Абдурахманов, и этот сарай, и глубокий подвал занятый командным пунктом капитана Александра.

— Все ясно, — шепнул он Мадраиму, — не ясно только, почему в сарае такая кутерьма.

— Генуг мит им цу шпрехен! Ман золь им фариндэн унд айнэн кнебель ин де мунт штекен, энтведэр вирт эр нох шрайнен ¹...

— Фарзух нох! ² — послышался угрожающий возглас.

Голоса смолкли, и вдруг из открытых дверей сарая выкатился клубок человеческих тел. Раздавались затрешины, охи, стоны, кто-то вскрикнул от боли.

— Во ист зайн парабеллум? ³

— Бай мир! ⁴

Гитлеровцы были настолько увлечены борьбой, что совершенно забыли всякую осторожность и не заметили советских разведчиков, которые, приподнявшись из-за укрытия, с любопытством наблюдали, как четверо вяжут одного. Наконец кто-то из немцев крикнул:

---

¹ Чего с ним разговаривать! Связать его и кляп в рот всунуть, а то он еще крик поднимет...

² Попробуй!

³ Где его револьвер?

⁴ У меня.

— Все! — и все четверо склонились над связанным, извивавшимся на земле.

Ни слова не понимая по-немецки, разведчики решили, что на их глазах происходит самосуд. Для них было ясно, что теперь одним врагом меньше.

— Возьмем? — наклонившись к уху друга, прошептал Мадраим.

— Обязательно. Ты заходи от сарая, оружие они там оставили.

Бесшумнее кошки проскользнул к намеченному месту Мадраим. В то время как его фигура выросла в открытых дверях, Андронов, стоя с другой стороны и угрожающе поводя дулом автомата, приглушенно басил:

— Хальт! Хенде хох!

То, что произошло потом, крайне озадачило разведчиков.

Немцы быстро и послушно подняли руки вверх и весело, наперебой, закричали:

— Русски! Плен!

— Гитлер капут!

— Война — капут!

Послышались и слова ломаной русской речи.

— Русски зольдат! Мы сами идем плен! Пусть Гитлер стреляйт!

Связанный гитлеровец все еще извивался на земле; он замычал, видимо, кляп мешал ему высказать свое мнение. Но это мычание вызвало реакцию со стороны рядом стоявшего немца; он энергично пнул его в бок носком сапога.

Разведчики впервые видели нечто подобное, они даже несколько растерялись.

— Вот так история с географией... — недоуменно сказал Андронов. — Что же будем делать?

— Как что? Возьмем и поведем всех, — ответил Мадраим.

— Где оружие? — строго обратился он к немцам.

Они опять о чем-то оживленно заговорили.

— Что вы расшумелись?! — прикрикнул Андронов.

— Мы хотим сдавать автомат, пистолет...

Кто-то из пленников говорил по-русски. Это уже облегчало задачу.

— Ну, говори.

Немец оказался словоохотливым.

— Я давно знаю русски. Прошлый война... Плен жил там, революцион выдайт. Зер гут! Эта война — очень плохо... Мы не хотим воевать. Мы все хотим плен здавать. Ефрейтор Карл Мюнцер — наци, один не хотел, стреляйт хотел... Его брат — эсэс. Его фабрика работайт русски фрау. Как это по-русски?.. Крово-сос!

Мадраним тем временем обшарил сарай и вынес оттуда пять автоматов, а словоохотливый ополченец фольксштурма передал Андронову пистолет, отобранный у ефрейтора Мюнцера.

Велико было удивление наших солдат, когда они через заграждения пропускали обратно разведчиков не с одним «языком», а с пятью, причем четыре из них шли, видимо, очень охотно, а пятого волокли, и рот его был накрепко забит кляпом.

ОБСТАНОВКА ПРОЯСНЯЕТСЯ

У меня появилась надежда, что допрос пленных не только прольет свет на военную обстановку на нашем участке фронта, но и укажет мне путь, по которому я скорее всего смогу добраться до майора Абдурахманова.

Допрос, который начал капитан Александров, со стороны скорее всего походил на совещание, посвященное разработке новой военной операции.

Александров и не начинал бы этого допроса, — немецкого языка он не знал, если бы среди пленных не было фольксштурмовца, знавшего русский язык.

Старики фольксштурмовцы были радостно возбуждены тем, что мрачная перспектива погибнуть за бредовые идеи Гитлера для них отпала. Умудренные событиями послед-

них месяцев, они понимали, что очень скоро сопротивление наступающим советским войскам будет прекращено. Они суетились возле большой карты, положенной на стол, и чертили по ней пальцами.

— Вот наши позиции... Здесь... Как ее, речка... совсем маленькая речка.

Они поворачивались к своим молодым спутникам и что-то говорили по-немецки, но те были более замкнуты и больше помалкивали.

Мюнцера освободили от кляпа. Теперь он изредка произносил какие-то ругательства, впрочем, умолкая, как только встречался с гневным взглядом Мадраима.

После долгих разговоров мы, наконец, выяснили, что немцы разрезали наши позиции совсем узким клином. Этот клин был густо начинен и людьми, и боевой техникой.

В немецкой части, стоявшей перед нами, кроме фольксштурмовцев, безнадежно смотревших на эту войну, и еще совсем необстрелянных юнцов, были и старые фронтовые зубры с железными крестами в петлицах, полученными за грабежи в Польше, на Украине и в Белоруссии. Эти были готовы биться до конца и, как дрессированные волкодавы, следили за неустойчивыми ополченцами фольксштурма и безусыми юнцами из союза гитлеровской молодежи, которые умели только лихо кричать «хэйль».

Оказалось, что немцы еще не знали сил, расположенных по обе стороны клина, поэтому и не решались начинать активные военные действия.

Очевидно, батальону Абдурахманова пока не угрожала опасность, но надолго ли?..

После того что я узнал, дальнейший допрос потерял для меня интерес. Я подсел к связисту Савельеву: возле его аппарата горели две немецкие свечки в штампованных картонных чашечках.

— Этой иллюминации у нас сколько хочешь, — сказал Савельев, вытирая рукавом гимнастерки крышку большого зеленого ящика. Я положил на нее блокнот, связ-

ной пристроил на соседнем ящике еще одну свечку, и я начал писать.

В такой обстановке родилась моя вторая корреспонденция о героях-разведчиках.

Я не пожалел о том, что, не дослушав допроса до конца, занялся своим делом, потому что после короткого затишья начались новые события, которые не дали бы мне возможности написать рассказ о друзьях Мадраиме и Андронове, если бы я не сделал этого раньше.

Пленных немцев отправили в штаб полка. В качестве конвоиров капитан Александров выделил двух молодых солдат, имевших легкие ранения. Они же доставили в редакцию «Суворовца» и мою корреспонденцию.

Андропова с Мадраимом старшина Сметанин увел в ближайший дом подкрепиться солдатской кашей и отдохнуть на немецкой перине.

Мы с капитаном вылезли из своего подземелья. Он с намерением обойти расположение своей роты, поговорить с командирами взводов, а я, движимый неистребимой жаждой впечатлений, с мыслью — не найдется ли какая-нибудь интересная деталь для моей записной книжки, в которую я записываю буквально все, — а вдруг пригодится.

Оказывается, уже рассвело. Солнечный диск пылал на востоке. Светло-голубое небо было ослепительно чисто, словно всю ночь его мыли и чистили, а краски для него подобрали лучшие художники.

За домом в неглубокую лощинку спускался фруктовый сад, отороченный по краям изгородью из могучих зеленых каштанов.

Зеленые стрелки первой травы редкой щетиной покрывали влажную землю.

Ах, как хороша весна даже здесь, на чужой стороне!

Я сошел вниз, к строениям. Их крыши виднелись под кронами деревьев. Хутор был мал и безлюден. За типично немецкими хозяйственными постройками стояло несколько повозок, нагруженных разным военным добром:

ящики с патронами, минами, консервами, мешками с амуницией и крупой. Лошади, привязанные к коновязи, мирно жевали овес. На бревнах, в сторонке, сидели солдаты и чинили конскую сбрую и хомуты. Старшина Сметанин вертел в руках уздечку, пытаясь разорвать ее на части.

— Ой, старшина, зря руки трудишь! Ничего у тебя не получится. Узда еще сто лет жить будет, — говорил бородатый солдат, судя по глазам, опасавшийся за целость узды.

— Сто лет! Сто лет! — передразнивал его Сметанин. — В прошлый раз шлею чинил, а она под самым хвостом у лошади и разъехалась. Вот тебе и сто лет!

Солдаты рассмеялись. А незадачливый шорник строго ответил:

— Так ведь то под хвостом, можно сказать, самое деликатное место.

— Ну, ты мне не крути, — закричал Сметанин, — исправь сбрую, как полагается.

Увидев меня, он сделал руками широкий жест и сказал:

— У нас тут цех починки. Здесь чиним сбрую, колеса, а там вон... и людей... — он показал пальцем в сторону дома, с крыши которого война лишь кое-где сбросила черепицу.

Там на ступеньках крыльца сидел солдат с перевязанной головой. На него падали первые нежные лучи утреннего солнца. Запалив козью ножку и закрыв глаза, он прислонился к стене и отдался приятным минутам покоя. Над входом колыхалась белая тряпочка с красным крестом в центре. Через окно был виден бледный женский профиль и тонкие руки, которые то взлетали, то опускались: медсестра делала перевязку.

— Только самые тяжелые уходят в медсанбат, — задумчиво глядя вместе со мной в окно, произнес старшина. — А эти не хотят. Да и понять их надо: каждому охота дожить в своей части до победы, увидеть, какая она, за что страдал, за что кровь проливал...

Я посмотрел на богатырскую фигуру Сметанина, на

его опущенную голову и согнутые плечи и подумал, что именно это стремление дожить до победы, ощутить ее всем существом поддерживает в этом простом советском человеке неутомимую энергию и силы для бессонных ночей и тревожных дней.

Зловещий вой мины и пронзительный треск ее разрыва закончил нашу беседу.

Старшина побежал к возчикам распорядиться, чтобы лошадей завели в конюшни. Следом за первой миной упала вторая. Она также разорвалась в центре сада. Взметнулись комья земли и расщепленные ветки деревьев.

Солдат, сидевший на крыльце, поднялся и, привычным движением поправив на груди автомат, крикнул в окно перевязочной:

— Скоро ты?

— Иду! Иду! — послышался голос.

У окна появилась медсестра. Она вытирала полотенцем руки и печально смотрела на небо.

— Ты, сестрица, от окна отойди, — ласково сказал ей солдат, — а то, чем черт не шутит, когда бог спит. Кто тогда нас чинить будет? — Он добродушно рассмеялся, и вдруг неожиданно строго закончил: — Нет, верно говорю: отойди, со смертью в жмурки не играй.

Ударил третья мина, немного ближе. По стенке чиркнуло несколько мелких осколков.

Сестра исчезла в глубине комнаты. Солдат пригнулся к земле. На крыльцо вышел его товарищ, тоже с перевязанной головой, и они, низко пригибаясь, скрылись за углом дома.

Я, чтобы не попасть в зону обстрела, обогнул сад с другой стороны и, держась ближе к стенам строений, добрался до командного пункта.

Ревело уже несколько минометов. Гитлеровцы били в наш тыл, предполагая там скопление войск и боевой тех-

ники. А рота капитана Александрова залегла в ста метрах от них, маскируясь в кюветах шоссеиной дороги и не больших окопах, открытых еще во время первой схватки.

ПОЛКОВНИК ЛЕБЕДЕВ

Спускаться в подвал не хотелось. Я укрылся за грудой битого кирпича — все, что осталось от какого-то сооружения, возможно, еще совсем недавно украшавшего хутор. В этих развалинах удобно было маскироваться, а главное, отсюда можно было хорошо обозреть прилегающую местность.

«Недаром, — подумал я, — капитан Александров выбрал этот подвал для своего командного пункта».

Высунув голову из-за камней, я увидел цепочки наших окопов и заметил даже два пулеметных гнезда в кювете на повороте шоссе.

Наши молчали. Гитлеровцы усиливали огонь: к воющим звукам минометов присоединился треск пулеметных очередей. Можно было ожидать, что вскоре заговорит и вражеская артиллерия.

Странно было смотреть на поле, покрытое зелеными ростками озимых всходов, освещенное теплым весенним солнышком, над которым в грохоте устрашающих звуков витала смерть.

Вдруг я услышал за собой громкий возглас:

— Черт побери! Вы там спите, что ли?!

Я оглянулся: за углом дома, у входа в наш подвал стоял какой-то военный. Он энергично размахивал руками и кричал. Что именно, я уже не разобрал, так как волна обстрела снова перекрыла все звуки.

Пригнувшись, я побежал на зов. Каково же было мое удивление, когда я увидел перед собой полковника Лебедева. Я отрапортовал.

— Позвольте, а где же капитан Александров? А я-то подумал, что это он в лирическом, так сказать, уединении,

пренебрегая телефоном и прочими видами связи, ведет наблюдение за полем боя.

— Боя еще нет, товарищ полковник.

— Но он может начаться каждую минуту...

— В эту самую минуту, товарищ полковник, я буду как раз на месте, — эту фразу произнес Александров, появившийся из-за спины полковника и слышавший последнее его слова.

Коротко поздоровались.

— Докладывайте обстановку.

Мы спустились в подвал. Самодельная лампа была погашена. Маленький голубой квадрат узенького оконца и открытая дверь пропускали света столько, сколько нужно было, чтобы двигаться, не задевая табуреток и стола. Зато воздух стал немного свежее.

Александров доложил полковнику, что обстановка осталась без изменения.

Лебедев некоторое время молчал, постукивая пальцами по столу, как бы прислушиваясь к тому, что происходит снаружи.

Обстрел затихал.

— Вы правильно сделали, капитан, что не вступили в перестрелку, — наконец промолвил полковник. — Скажите, чем вы руководствовались?

Александров ответил не сразу. Он как будто подыскивал слова для выражения своей мысли.

— Маскировка, — ответил он коротко.

— Маскировка? — переспросил Лебедев. — Я понял вашу мысль. Но я бы назвал это иначе: сохранение военной тайны...

— Пожалуй, и так, товарищ полковник. Я не хотел, чтобы противник знал что-нибудь о нас. Неизвестный враг — самый страшный. А о них мы уже кое-что знаем.

— Да, капитан, ваши разведчики доставили нам очень ценные сведения. Оказывается, наши знаменитые друзья Мадраим и Андронов снова вместе и результаты послед-

ней разведки — их работа. Добро! Как говорится, на ловца и зверь бежит!

По лестнице кто-то быстро шел. На пороге появился солдат. После яркого дневного света он не сразу увидел нас в полумраке подвала. Наконец, все еще стоя у порога, он гаркнул:

— Разрешите доложить!

— Докладывай, только потише, — ответил полковник Лебедев. — У нас у всех хороший слух.

— Против позиций второго взвода скапливается противник. В районе высоты, на которой находится разрушенный сарай, происходит движение отдельных групп. Лейтенант Бобров спрашивает ваших распоряжений.

— Разрешите, товарищ полковник, — обратился Александров к Лебедеву.

— Да, пожалуйста.

— Почему не доложили об этом по телефону? — спросил капитан связаного.

— Кабель оборвался. Сейчас ищут место обрыва.

Командир роты молчал, как бы обдумывая ответ. Лебедев посмотрел на часы.

— Капитан, — сказал он, — распорядитесь, чтобы лейтенант Бобров по-прежнему вел тщательное наблюдение за противником, огня не открывал и ожидал дальнейших распоряжений.

Когда связной покинул подвал, нам показалось, что с его уходом ушли и последние звуки перестрелки. Но это была уже не та мирная тишина, которая была ранним утром. Чувствовалось, что эта тишина не долговечна и первый выстрел может так всколыхнуть ее, что вокруг начнет бушевать ад крошечный.

Лебедев снова посмотрел на часы. Помолчал, вынул массивный серебряный портсигар с замысловатым вензелем на крышке и угостил нас хорошими папиросами.

Голубоватый ароматный дымок наполнил наш подвал запахом мирного, уютного жилья. Исчез кислый запах

махорки, давно немытого тела и видавших виды солдатских портянок.

— Лейтенант! — обратился ко мне полковник. — Могу вам предложить место в интересной боевой экспедиции.

Наблюдая за тем, какое впечатление произведет на меня его предложение, полковник после короткой паузы продолжил:

— ...Экспедиции в расположение батальона майора Абдурахманова.

Я не мог сдержать радостного восклицания.

— Это как раз то, что мне нужно, товарищ полковник. Это мое редакционное задание...

— Отлично. Теперь это будет не только редакционным, но и боевым заданием.

Прогудел хрипловатым голосом телефонный зуммер.

Мы прислушались.

— Лейтенант Бобров докладывает, что связь восстановлена, — сообщил телефонист, прикрывая широкой ладонью телефонную трубку.

— Я сейчас сам поговорю, разрешите, товарищ полковник.

Лебедев кивнул головой.

— А мы с вами поднимемся наверх, — сказал он мне, — и посмотрим из-за вашего укрытия на ту панораму, которой вы недавно любовались.

У дверей мы встретили Андронova и Мадраима. Они о чем-то говорили с молодым подтянутым солдатом, судя по свежему виду обмундирования, шофером или ординарцем полковника. Полковник Лебедев сам был всегда подтянут и аккуратен и любил, чтобы все его подчиненные были такими же. Наши разведчики, как по команде, щелкнули каблуками.

— Здравия желаем, товарищ полковник.

— Здравствуйте, товарищи, — ответил он, подошел к ним и протянул руку. — Поздравляю с прекрасным выпол-

нением боевого задания. Результаты вашей разведки отличны.

Андронов и Мадраим, конечно, не раз слышали слова одобрения и похвал от своих командиров. Но сейчас им довелось выслушать похвалу от самого полковника Лебедева, храброго офицера, за которым числилось немало боевых подвигов. Разведчики смущенно улыбнулись. Видно было по всему, что Андронову, нетерпеливо переминавшемуся с ноги на ногу, хотелось о чем-то сказать.

— С вашего разрешения, товарищ полковник...

Лебедев вопросительно взглянул на Андропова.

— Слушаю.

— Сколько лет воюю, а в такой разведке еще не был. Мальчишкой еще в книжках читал, что в 1812 году наши партизаны таким манером в плен подмороженных французов брали. Да деды говорили, что в турецкую кампанию так же вот турок водили, только им пуговицы у штанов отрезали...

— Времена меняются, — улыбнулся полковник, — но вы не осрамили своих дедов. — И он так заразительно засмеялся, что мы все дружно подхватили его смех.

Быстро взбежавший по ступенькам капитан Александров оглядел нас:

— Лейтенант Бобров доложил, что в лощине против его позиции быстро идет накопление боевой силы и техники...

— Что говорят командиры других взводов?

— Пока молчат...

— Отлично...

Полковник присел на корточки и, вынув из планшетки карту, сказал:

— Можете ли вы мне на этой карте отметить позиции лейтенанта Боброва и знаменитую лощинку?

Александров быстро нашел нужное место и очертил его красным карандашом.

— Теперь синим карандашом с наибольшей точностью отметьте позиции вашей роты.

Когда все было сделано, полковник аккуратно свернул карту, положил ее в карман и направился к груде битого кирпича, с которой я недавно любовался обманчиво-мирным ландшафтом. Теперь солнце стояло выше, лучи его щедрее поливали землю, и от этого все краски на ее поверхности стали ярче и гуще. Осмотр длился недолго. Лебедев круто повернулся к Александрову и короткими словами приказа сказал:

— Продолжайте упорно держать оборону. Огонь открывать только в крайнем случае. Ваше молчание нагнетает на гитлеровцев больше страха, чем огонь сотни орудий. Скоро мы вам поможем...

И вдруг, после секунды молчания, тихо и ласково спросил:

— Устали?..

Серые глаза Александрова, до того спокойные и усталые, вдруг вспыхнули горячими искрами.

— Никак нет, товарищ полковник.

По-моему, Лебедев не поверил ему. Однако он строго по-солдатски погасил улыбку и, крепко пожимая руку капитану, так же тихо, но твердо произнес:

— Молодец!.. Лейтенант, за мной. Теперь вы числитесь за экспедиционным корпусом.

Быстрым шагом он направился в сторону сада, к своей машине.

— Желаю успеха, товарищ капитан, — сказал я на прощанье Александрову.

Больше мне сказать ничего не пришлось, потому что в дверях появился старшина Сметанин и громко закричал:

— К телефону, товарищ капитан! Срочно зовет лейтенант Бобров...

Быстро спускаясь по ступенькам, Александров обернулся и; помахав мне рукой, крикнул улыбаясь:

— И вам — ни пуха ни пера!

НА БРОНЕ ТАНКА

Новую запись в своем дневнике начинаю с того, что я снова у разбитого корыта. Позднее опишу нашу «экспедицию», то есть танковый десант, который через пробитую нашей артиллерией брешь прошел на помощь Абдурахманову.

...После всего пережитого чертовски хочется отдохнуть. Но разве можно рассчитывать на память, если завтра новые яркие впечатления могут стереть волнующие события ушедших суток.

«Итак, я у цели», — не без самодовольства думал я, пробираясь к полуразрушенному дому, занятому командным пунктом Абдурахманова.

Наконец я на командном пункте Абдурахманова. В этом не может быть никакого сомнения, потому что передо мной стоит его ординарец, пожилой, крепко сколоченный узбек. Видавшая виды пилотка сдвинута на самый затылок, на манер тубетейки, а густые с проседью усы тщательно подстрижены над верхней губой. Русская речь у него плохо клеится, и мы говорим по-узбекски.

Но с первых же слов сердце мое охватывает чувство разочарования: оказывается, я сегодня так же далек от неуловимого майора, как и вчера, — Абдурахманов с группой автоматчиков отправился вперед.

— Куда?

Ординарец пожимает плечами и разводит руками:

— Майор не докладывает ординарцу. Об этом лучше расскажет старший лейтенант Головня... Он и остался за командира. А сейчас, товарищ лейтенант, вам не мешает для подкрепления выпить пиалу настоящего зеленого чаю.

Я с удивлением посмотрел на ординарца, а тот, как ни в чем не бывало удаляется в соседнюю комнату и буквально через несколько секунд приносит пиалу, наполненную горячей, дымящейся светло-зеленой ароматной жидкостью.

Гостеприимный ординарец действует быстро: рядом с пиалой появляется пачка галет и горсточка изюму.

— А вот ташкентских лепешек в нашем хозяйстве нет, — говорит он, как бы извиняясь, и, подойдя к двери, останавливается, прислонившись к косяку.

Я поблагодарил его и, сделав несколько глотков, стал ждать, что еще расскажет ординарец. Ждать не пришлось. Он был рад поговорить на родном языке.

— Для русских у меня всегда есть черный чай. Кокчай они не любят... У каждого народа свои привычки. Вот немцы, говорят, один кофе пьют. Эх-хе-хе! А что может быть лучше плова из жирного барашка и пиалы зеленого чая или кисточки винограда... На прошлой неделе нам в трофейном порядке достался жирный барашек — рису не было. Сейчас рис есть — барашка нет, моркови нет... А из того барашка я такой шашлык сделал, что все, кто ел, до сих пор хвалят меня.

— Вы, что же, поваром раньше служили? — полюбопытствовал я.

— Никогда в жизни поваром не работал, — засмеялся ординарец. — Я раньше был известным человеком в Узбекистане. В газетах писали, портрет печатали. Мое дело — хлопок. Мое звено меньше сорока центнеров с гектара никогда не собирало. А если тридцать, так это уже позор всему звену.

— А вот за войну, — продолжал ординарец, — много специальностей переменял. Сначала был бронебойщиком, потом сапером. А вот к майору Абдурахманову попал, тут он меня за пулемет посадил. В пулеметчиках я и тяжелое ранение получил. А после госпиталя потянуло меня опять к родным гвардейцам. Только уже прежней сноровки не стало. Тут майор меня к себе определил...

— Ну, как чай? — вдруг оборвал он свое повествование.

— Настоящий ташкентский, из чайханы, — похвалил я.

— Пейте еще, — он тем же быстрым манером исчез за

дверью и, возвратившись, вновь поставил передо мной дымящуюся ароматом чая пиалу.

Опершись снова о дверной косяк, ординарец собрался продолжать рассказ. Я готов был с интересом слушать его. Он помог бы мне собрать кое-какие важные черточки из жизни своего командира, из быта его славных гвардейцев.

Но в это время я увидел сквозь зелень листвы, как на голубой эмали неба промелькнула какая-то тень, за ней другая, третья. Угрожающий рев моторов повис над нами. Мы молча ожидали, что вот-вот начнут свой разговор зенитки и пулеметы. Если фрицы заметят наши танки, то уж, безусловно, не обойдется без бомбежки.

Вдруг гул моторов стал затихать, а на дворе послышались громкие голоса.

Кто-то продолжал давно начатый разговор и, уже подходя к нашему дому, заканчивал в весьма энергичных выражениях.

— ...И передай ему, что если он, чтоб ему лыхо було, ще раз нарушит приказ майора, я с ним сам побалакаю.

Послышались шаги на крыльце, а вслед за ними раздался еще более громкий голос:

— Самсонова пошлите ко мне.

Дверь с шумом открылась и в комнату стремительно вошел высокого роста офицер. Из-под фуражки, сдвинутой на затылок, выбивался светлый льняной чуб, а из-под таких же светлых бровей на меня уставились серо-стальные глаза с пронзительно черными зрачками.

— Эге! — воскликнул он, удивившись, — еще один приятный незнакомец! Давайте скорее знакомиться, чтобы не было больше незнакомцев!

Его большой рот с пухлыми губами раздвинулся в приятнейшей улыбке, показывая ряд крупных белых зубов.

— Старший лейтенант Головня!

Я об этом уже догадался, услышав его украинское произношение. Подробно изложив старшему лейтенанту цель своего прибытия, я тут же осведомился о том, скоро ли

смогу увидеть майора Абдурахманова.

Головня стоял передо мной, упершись руками в бока и с откровенным любопытством рассматривал меня.

— А воевать вы не боитесь? — вместо ответа спросил он. Понимая, что этот вопрос может вызвать нежелательную реакцию, он тут же поспешил добавить:

— Только, я прошу вас, не обижайтесь. Я воюю четвертый год и не раз видел военных корреспондентов, но в первый раз вижу военного корреспондента, прибывшего с танковым десантом.

И он с силой еще раз пожал мне руку.

— Ну, сидайте! Вахаб, чаем поил?.. Всем хорош ординарец, вот только галушки и вареники делать не умеет...

Разговаривая, Головня снимал с себя ремни, сумку, пистолет, гимнастерку и, оставшись в одной нижней рубашке, сказал:

— Прошу прощения! Хочу немного отдохнуть. А когда я обвешан всей этой амуницией, чувствую себя, как в упряжке... Да, вы спрашивали, кажется, когда здесь будет майор Абдурахманов. Вы извините, что я не ответил сразу. Выигрывал время, хотел точнее ответить на ваш вопрос. Но как тут умом ни раскидывай, как ни прикидывай, а ничего определенно сказать нельзя.

Дверь открылась, и мощный бас протрубил:

— Разрешите войти.

— Самсонов, не гуди!

— Есть не гудеть! — и в комнату вошел человек огромного роста. Владелец мощного баса старшина Самсонов был еще совсем молод. Яркий румянец заливал его щеки. Кончик носа, по-мальчишески вздернутый кверху, облунился, как это бывает у ребят в жаркую летнюю пору.

Рукава гимнастерки были ему коротки, а голенища сапог кончались где-то на середине между ступнями и коленями.

Своим телом он совсем загородил дверь. Ординарец Вахаб ворчал за его спиной:

— Ну ты, Собор, подайся в сторону.

Самсонов ответил, добродушно улыбаясь:

— Проходи, чайханщик...

Как я узнал впоследствии, старшину Самсонова товарищи в шутку прозвали за его рост и комплекцию Собором Парижской богородицы. Однако это прозвище его боевые друзья произносили скорее с уважением, чем с насмешкой.

— Связи с ротой капитана Александрова все еще нема? — спросил Головня.

— Никак нет, — ответил Самсонов и опустил голову. Видно было, что это его очень беспокоит.

— Пошли связистов, может быть удастся найти место разрыва. Сам не ходи... Ты здесь нужен будешь. Выполняй!

Самсонов, хоть был он высок и громоздок, к моему удивлению, ловко повернулся и бесшумной походкой скрылся за дверь.

Старший лейтенант Головня перехватил мой взгляд:

— Це он с виду глыба, а ловчее его трудно найти солдата. Одно слово — гвардеец!

Головня отхлебнул горячего чаю из большой эмалированной кружки.

* * *

Что же произошло до того, как я попал к старшему лейтенанту Головне?

Ночь, в которую я на броне тяжелого танка сделал прыжок из расположения полка Лебедева через захваченную врагом территорию в расположение Абдурахманова, была по-весеннему темной и теплой. Большие и яркие звезды, пренебрегая всеми правилами светомаскировки, вы-

соко сияли в небе. В листве деревьев, в травах слышалась какая-то возня. Победоносно шествовала весна.

Она шла напролом. Ничто не могло заставить ее отступить. Палили пушки, громыхали бомбы, а весна шла и шла, сопровождаемая теплыми ветрами, душистым запахом первых цветов и армиями пернатых певцов, щебетанье которых можно было услышать даже на ветке тополя, маскировавшей ствол танковой пушки.

Синие сумерки сменились темной ночью, когда Лебедев повел меня к танкистам; они стояли на своих исходных позициях. Судя по некоторым приметам, танки находились севернее того пункта, где залегала рота капитана Александра.

Патруль остановил нас у въезда в сосновую рощу, смолистый запах которой мы уловили еще издалека.

Между деревьями, как стадо диких животных, расположились тяжелые танки. Присутствие здесь людей можно было угадать по редким огонькам сигарок, прикрываемых ладонями, по глухому, еле уловимому гулу человеческой речи.

Между машинами забегал светлый зайчик карманного фонаря. Он скакал то по броне танка, то по траве, выхватывая в причудливом сочетании детали машин, лиц, оружия. Зайчик быстро приблизился к нам, скользнул по фигуре Лебедева, на миг задержался на моем лице и погас.

Не сразу после этого я смог различить в обступившей нас темноте стоящего перед нами низенького, коренастого офицера, затянутого в ремни и кожаный комбинезон.

— Майор Семенов!

— Полковник Лебедев.

Полковник зажег свой фонарик и посмотрел на часы.

— В вашем распоряжении тридцать минут. Артиллерийский налет будет интенсивным и не очень коротким. Вам задача ясна?

— Так точно, товарищ полковник.

— Вот этого лейтенанта, военного корреспондента, — Лебедев тронул меня за рукав, — вы доставите к майору Абдурахманову.

Майор танкист, видимо, решил рассмотреть получше, кого ему придется доставить вместе с десантом. Он снова зажег фонарик и еще раз пристально поглядел на меня.

— Вы извините, лейтенант, что я в довольно нескромной форме проявил свое любопытство, — сказал он, смеясь, и погасил фонарик. — Это я для верности, чтобы не потерять вас в пути, а в случае потери, чтобы поскорее найти... Ехать придется, конечно, без плацкарты...

Лебедев резко перебил его:

— Судя по всему, вы — в неважном настроении. А может быть, у вас были неприятности с газетой?

— Никак нет, товарищ полковник. Просто я хочу предупредить лейтенанта об опасности предстоящего ночного путешествия. К тому же, я немного взволнован: у меня сегодня экипажи всех машин отправили письма на родину.

— А сами-то вы отправили?

— К сожалению, товарищ полковник, мне отправлять некому: остался один... — Майор замолчал. Молчали и мы. Да разве можно в таких случаях найти нужные слова? Да и нужны ли они ему?

— Вот теперь моя семья, товарищ полковник, — продолжал майор, делая широкий жест в сторону людей. — Сегодня я принял еще полсотни ваших автоматчиков, а теперь вот еще и лейтенанта...

Голос его звучал глухо. Теперь мне было понятно, что за внешней грубоватостью этого офицера, за его язвительными замечаниями скрывается душа доброго и много пережившего человека.

Мы стояли молча, и, прислушиваясь к ночной тишине, каждый думал о своем. Где-то вдалеке хлопали одиночные выстрелы, то затихая, то вспыхивая с новой силой, ворчали моторы самолетов. И вдруг мне послышались журавлиные крики, настоящие журавлиные песни, какие я

много весен тому назад слушал в родном Ташкенте, гуляя в теплые ночи.

Курлык... курлык... курлык...

— Вы слышите, товарищи? — спросил я.

— Что?

В это время грохнули первые выстрелы нашей артиллерии. Орудия гремели со всех сторон, снаряды с таким треском рассекали воздух, что казалось, будто над нашими головами рвут километры прочнейшей ткани.

Полковник и майор одновременно зажгли свои фонарики и посмотрели на часы.

— Секунда в секунду.

— Разрешите идти, товарищ полковник?

— Да, идите и выполняйте приказ, — он крепко пожал руку майору. И, обратясь ко мне, закончил: — Идите и выполняйте свое задание.

Я поспешно распрощался с полковником: меня уже окликал майор, спешивший к машинам. Несмотря на крошечную тьму, не было никакой сутолоки. Следуя за светлым зайчиком командирского фонарика, автоматчики спокойно занимали свои места позади орудийных башен танков.

— Набирайтесь впечатлений, лейтенант, — кричал майор, — такие моменты и на фронте не часто бывают.

— Ну, вот ваш паровоз, — пошутил он, крича мне прямо в ухо, потому что из-за адского грохота артиллерии иначе было невозможно разговаривать.

— Будьте готовы ко всяким неожиданностям, — крикнул он на прощание и, погасив фонарик, исчез в темноте.

Я сел вместе с солдатами, которые, потеснившись, уступили мне местечко возле броневой башни.

Мне очень хотелось поговорить со своими спутниками, тем более, что все они были гвардейцы из полка Лебедева.

— Первый раз на танке?! — крикнул я своему соседу справа в самое ухо. Кричать приходилось во всю мочь, напрягая голос.

Сосед сначала не расслышал моего вопроса, полез в карман и подал мне коробку спичек. Я, смеясь, возвратил ему спички и повторил вопрос громче. Он кивнул головой и крикнул мне в ухо:

— Никак нет, приходилось и раньше.

Продолжать разговор не удалось, так как к грохоту канонады прибавился еще рев моторов, потом танк наш задрожал и двинулся вперед.

Сначала мы шли медленно. Нас бросало то вверх, то вниз, то в одну, то в другую сторону, и мы догадывались о спусках и подъемах, которые преодолевали машины.

Над нашими головами появились звезды, — значит, вышли на открытое место. Впереди бушевало пламя взрывов. Багровые вспышки клали зловещие отблески на броню машин, в воздухе пахло пороховым дымом, на зубах хрустела земля. Вдруг впереди взорвалась белая ракета, и, прежде чем она погасла, мы остановились. Машины вышли на исходный рубеж. Но стоянка была недолгой.

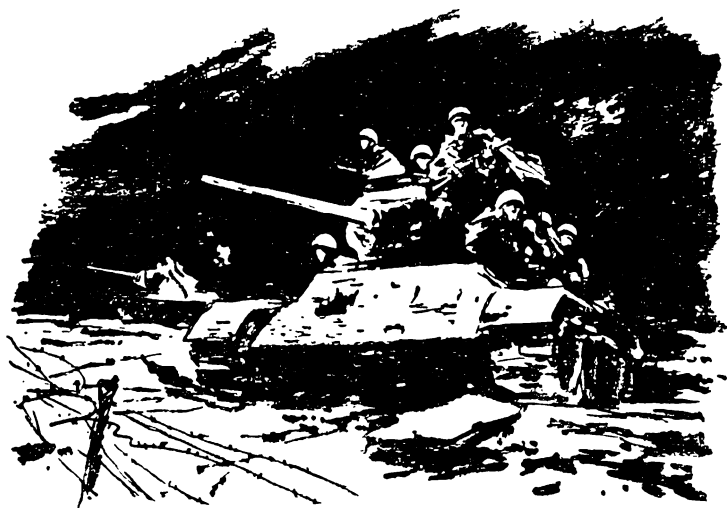
Неожиданно вспыхнувший артиллерийский обстрел также неожиданно прекратился. В тишине каждый из нас ясно услышал шипящий звук взлетающих ракет. Три ярких цветных пучка с длинными хвостами на короткое мгновение осветили фантастическими красками окружавшую нас местность и погасли...

Тревожные мысли стали меня одолевать.

«Может быть, это последний свет, который мне пришлось увидеть в последний день моей жизни», — думалось мне. Но другой голос, отгоняя черные мысли, обвинял меня в малодушии, трусости. «Но ведь это война, — снова повторил первый, — где тебя всюду подстерегает смерть...» Возмущенный подобной трусостью, второй голос подбодрял: «Вот потому, что ты на войне, ты и должен взять себя в руки, быть мужественным!» И этот голос восторжествовал... Не прошло и пяти секунд, после того как погасли сигнальные ракеты, мощный рев моторов огласил окрестности — наши бронированные чудовища пошли на врага.

Куда девались сомнения, страхи!

В моей памяти отчетливо сохранилось три эпизода этой ночи. Сейчас, когда я делаю записи в своем дневнике, я в состоянии расставить их в последовательном порядке.

Тогда же они прошли перед моим взором, как фантастические видения в калейдоскопе.

Первый эпизод. Сначала, судя по толчкам и рывкам, машины шли полем. Справа и слева вспыхивали огни оружейных выстрелов. Значит, мы шли развернутым строем и вели огонь. Потом мы заметили красные отсветы пожара. С каждой секундой становилось светлее. Я уже ясно различал очертания машин, шедших по сторонам. Тут наш путь перерезало шоссе. Танки быстрым маневром перестроились в колонну и еще быстрее ринулись вперед.

А вот и источник огня! Горел двухэтажный дом, окруженный высоким кирпичным забором. Двор был пуст,

дом горел, как гигантская свеча, вставленная в каменный подсвечник. Вдруг впереди — короткое замешательство: на освещенной пламенем площадке крутится вокруг своей оси наш танк, подбитый невидимым врагом.

Я вижу майора Семенова. Он что-то кричит, показывая на длинное низкое строение, скрытое раскидистыми ветвями каштанов.

...Длинная пулеметная очередь на миг покрывает шум моторов и голосов. Майор, схватившись за голову, падает. В следующее мгновение два головных танка с грозным ревом сворачивают с шоссе и, опустив длинные хоботы орудий, бьют прямо в упор. Рушатся стены, сыплется черепица, а танки, подминая под себя обломки, входят в развороченные бреши. Вдоль танковой колонны с сигнальными флажками в руках бежит офицер. Раньше я его не видел. Очевидно, старший. Танкисты поднимают Семенова и уносят в машину.

Когда наши машины, вновь приняв боевой порядок, ринулись вперед, я увидел около подбитого танка, там, где лежал Семенов, небольшую лужицу крови и перчатку. Наверно, она ему уже не нужна...

Второй эпизод. Мы миновали какую-то рощицу. За ней уже не видны были отблески пожарища. Мы снова вступили в темноту, как будто переворачивая новую страницу нашего боевого похода. Танки замедлили ход и остановились. Мне, не посвященному в секреты похода, была тогда непонятна эта остановка танков в чистом поле, на открытом месте. После тряски и грохота сделалось так тихо, что один из моих соседей решил даже закурить.

— С ума сошел! — ахнул кто-то рядом. — Ты что, в блиндаже на нарах? Скаженный!

— Тише! Слушайте, слушайте, братья!

Можно было, даже не прислушиваясь, ясно различить протяжное «ура», которое звучало где-то позади нас. Оно вскоре было перекрыто мощной волной ружейной и пулеметной стрельбы. Но врагу не удалось окончательно за-

глушить его. После короткого перерыва крики «ура» с еще большей силой вспыхнули ближе.

В это время три зеленые ракеты, одна за другой, взмыли в небо, и наша колонна тронулась в путь, в ту сторону, где погасли их огни.

Собственно, с ними и связан третий эпизод. Танки въехали в небольшой поселок и растянулись в линию вдоль домов. Только когда рассвело, я заметил, что танки стояли не на улице, а за домами. И вдоль кюветов, на шоссе, которое проходило мимо поселка, первая рота батальона Абдурахманова держала оборону.

Так вот — о третьем эпизоде. Когда наши танки остановились и мы рядом услышали родную речь, мне показалось, что эта ночь длилась бесконечно. Бледная полоска рассвета на востоке обозначила уже веку нового дня, новых забот, успехов и потерь.

Потерь... Я вспомнил о майоре Семенове. После недолгих поисков я разыскал нового командира танковой колонны. Он сидел на траве и беседовал с двумя офицерами. Когда я доложил о себе, командир грустно улыбнулся и сказал:

— Майор сообщил мне о вас. Вы знаете, что его беспокоило? «Надо, — говорит, — побережь его. Мало стреляный...» И посадил вас на заднюю машину.

Я боялся спросить, что с майором. Но он понял меня и без слов.

— Майора похороним здесь... Хотите проститься?

Офицеры поднялись, и мы всей группой подошли к головному танку.

Тело Семенова лежало перед танком на двух солдатских плащ-палатках. Лицо его было спокойно. Легкий предутренний ветерок шевелил прядь темных волос над светлым лбом. Майор лежал строгий, вытянув руки по швам, готовый, казалось, по первому сигналу встать и идти в бой...

Мощный ствол танковой пушки, грозно протянувшийся над телом мертвого майора, охранял его последний покой.

...Но зарождавшийся день неумолимо звал к жизни, ради которой люди жертвуют собой.

Я попрощался со своими ночными спутниками и отправился разыскивать штаб майора Абдурахманова.

Как говорится, легче всего танцевать от печки. Печкой для меня была рота Головни, оставшаяся на месте, и я отправился к нему, чтобы получить нужные сведения о местонахождении Абдурахманова.

Но, к сожалению, как я уже говорил, там я выяснил, что Абдурахманов получил новое оперативное задание и мне снова приходится его догонять.

РАССКАЗ О КОТЕЛКЕ С КАШЕЙ

Телефонист сидел в соседней комнате, и я о нем ничего не подозревал до тех пор, пока он не вышел к нам и несколько растерянно не заявил:

— Какого-то военного Скрипадентова к телефону просят.

Мы громко рассмеялись. Было ясно, что к телефону вызывали военного корреспондента, то есть меня. Телефонист окончательно растерялся.

— Так что же сказать, товарищ старший лейтенант?

— Скажите, что Скрипадентов сейчас подойдет, — ответил Головня. — Впрочем, не надо. Он сейчас сам скажет.

Я не сразу узнал голос полковника Лебедева.

— Вам, кажется, опять не повезло? — спрашивал он. — А вашей судьбой уже интересуется редакция «Суворовца» Я сегодня был в ваших краях, завтра опять буду. Что передать им?

Я был в смущении.

— Что знаете, то, пожалуйста, и передайте. Мне сейчас трудно сказать, когда вернусь. Да и материала пока что нет. Я имею в виду фундаментальный материал... Об Абдурахманове.

— Быть не может, чтобы у вас не было материала, —

послышался в ответ голос Лебедева. — А вы напишите про котелок с кашей.

«Уж не смеется ли надо мной полковник?» — подумал я, слушая его ответ.

— Про какой котелок? — спросил я робко и, наверное, так робко, что на другом конце провода послышался смех.

— Вы, кажется, сомневаетесь в серьезности моего предложения. Вы там поразведайте. А сейчас передайте трубку старшему лейтенанту Головне.

Пока Головня гудел в телефонную трубку, я размышлял над предложением полковника. Мне оно показалось очень странным.

— О котелке с кашей думаете? Знаю, знаю... Меня сейчас, между прочим, полковник посвятил в эту историю, — вывел меня из задумчивости Головня. — Только уговор: сначала мы немножко отдохнем, благо тихо кругом, а потом приступим к делу. Договорились?

Только я лег, как глаза мои автоматически сомкнулись, а сознание затянуло плотной пеленой крепкого сна без сновидений.

Разбудил меня громкий голос Головни. Я приподнялся и увидел такую картину: вокруг маленького круглого столика сидело несколько офицеров, Головня, открывая окно, укоризненно бубнил:

— Ну и начали, дышать нечем!.. Что это у вас за привычка, товарищи командиры?

В комнате действительно все было серо от табачного дыма.

Офицеры, смеясь, стали подниматься. Головня, заметив, что я не сплю, крикнул в мой угол:

— Вставайте, лейтенант! Хотя и к шапочному разбору, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда...

Я быстро вскочил, слегка привел себя в порядок, а Головня тем временем представил меня. Послышались голоса.

— Это хорошо, что о нас вспомнили!

— Лейтенант, приглашаю в мою роту...

— А чем взвод саперов хуже?..

Голос Головни перекрыл все другие голоса:

— Мы с ним везде побываем, — сказал он. — Все вы хороши, когда за вами во все глаза смотришь. — На шутку командира офицеры ответили дружным смехом.

После ужина, которым накормил нас Вахаб, Головня предложил:

— Так вот, если не возражаете насчет еще одного котелка с кашей, то ходим к саперам — они мастера угощать.

Я догадался, что речь идет о той самой истории, о которой намекнул мне по телефону полковник Лебедев.

Головня снова затянулся в ненавистные ему ремни, от чего, как мне показалось, он стал еще выше.

Уходя, Головня приказал Вахабу:

— Искать меня у саперов...

Вышли мы в плотные сумерки. Первые звезды робко мигали в небе.

Было очень тихо. Я выразил удивление по поводу такой необычной тишины: ведь батальон Абдурахманова по существу во вражеском кольце.

— О нет! Вы плохо информированы, товарищ военный корреспондент, мы уже прорвали вражеское кольцо и сейчас соединены со своим полком весьма просторным коридором... А вот рота Александра действительно окружена. Случилось это прошлой ночью, когда танковый десант прорвался к нам.

Как, рота Александра окружена? Ведь немногим более суток тому назад я был в подвале командного пункта капитана Александра. Перед моими глазами, как наяву, встала скромная фигура капитана. Мне казалось, что я еще слышу его спокойный голос.

А Мадраим, а Андронов!.. А напористый старшина Сметанин!..

В одном месте, на развилке дороги, нас окликнули:

— Кто идет? Пропуск?

— Одер, — тихо ответил Головня.

— Это вы, товарищ старший лейтенант? А я и не признал сразу-то...

— В эдакой темени отца родного не узнаешь, — заметил другой голос.

— Товарищ старший лейтенант, не одолжите спичек, — вопрошающе обратился первый голос.

— А ты знаешь, что полагается за курение на посту?

— Никак нет, товарищ старший лейтенант. Четыре года курю на фронте и все еще никак не узнаю, — в тон шуточно ответил тот.

— Лейтенант, у вас есть спички? — обратился Головня ко мне, — дайте ему. А на обратном пути я его за нарушение устава под суд отдам...

Я подал спички. Невидимая рука взяла их. Мы услышали чирканье спички о коробок, до наших ноздрей дошла струя махорочного дыма, но огня или мерцания цигарки мы так и не увидели.

— Вот что значит курить по-гвардейски, — засмеялся Головня.

— Так точно, товарищ старший лейтенант!

— Война научит, — сказал другой голос.

Мы еще немного постояли, помолчали.

— Ну, как, все тихо? — спросил, наконец, мой спутник.

— Тихо, товарищ старший лейтенант, — ответил первый голос.

— Не иначе, как по-пластунски немцы решили выбираться из наших клещей.

Помолчали еще немного.

— Да-а, — протянул нараспев Головня, — чтоб им лихо было... Пошли, лейтенант.

Я шел позади Головни, и в темноте его фигура служила для меня ориентиром.

— О чем вы сейчас думали? — неожиданно спросил Головня.

Я ответил не сразу.

— Вот о чем: история о котелке с кашей имеет слишком большое предисловие.

На что мой спутник ответил:

— Да, это так. История эта коротенькая. Можно сказать, что ради нее и не стоило бы семь верст киселя хлебать... Но предисловие у нее большое. Если правильно рассказывать — много лет понадобится, столько лет, сколько потрачено на формирование советского характера, характера нашего солдата.

Помолчав, Головня продолжал:

— Вы, лейтенант, извините, что я философией занялся. Это не мое дело — я военный. Но в этой истории без философии не обойдешься... Ну вот и пришли!

За годы войны мы привыкли ночью ходить в потемках. Шоферы ухитрялись водить свои машины на первой скорости там, где в обычное время они не согласились бы ехать и на телеге. В темноте все казалось пустынным — улицы, по которым, однако, проходили полки и дивизии, дома, в которых за плотными занавесками светомаскировки шумели станки, делались операции, работали штабы. С восходом солнца обычно все живое радуется и тянется к нему. Но в дни войны все живое, чтобы сохранить возможность радоваться, старалось спрятаться в тень. Пустели автострады, машины и танки искали прибежища под ветвями кудрявых деревьев. Даже пехотинцы, по воле случая оказавшиеся вне родной траншеи, старались воткнуть возле себя хоть куст крапивы.

Но чем более солдаты маскировались, тем охотнее они шли на «огонек», тем роднее казались им люди, которые собирались вокруг тусклого огонька под надежными накатами блиндажей.

С таким же чувством вошли мы в помещение, занятое саперным взводом.

В большой комнате подвала было так светло, как будто здесь горело электричество. Светили, однако, не электриче-

ские лампочки, а множество трофейных стеариновых плочек, которые были расставлены повсюду, даже на полу.

Наш приход заметили не сразу. Шел какой-то оживленный разговор. У стены сидел тот самый офицер, который на совещании у Головни приглашал меня в свой взвод, утверждая, что взвод саперов не только не хуже, но даже лучше других. Он-то первый и увидел нас. Но не успел он сказать и слова, как Головня строго спросил:

— Разве это порядок? Вас гитлеровцы всех до одного перевяжут, а вы и пикнуть не успеете.

— Ну, нет, товарищ старший лейтенант, — ответил офицер. И тут же громко крикнул:

— Шкураков!

На пороге подвала появилась невысокая фигура солдата с автоматом на груди и гранатами на поясе.

— Почему плохо смотришь? — строго спросил командир.

Солдат, видимо, уже догадался, в чем дело.

— Никак нет! Я товарища старшего лейтенанта сразу по голосу узнал, потому и не задержал... Я даже помню, что он говорил.

— А ну, скажи, — обратился Головня к Шкуракову.

— Вы говорили насчет философии, что, дескать, советский характер у нашего солдата...

Головня в восхищении похлопал солдата по плечу:

— Да где же ты был, Шкураков?

— А там, где меня сейчас уже нету, товарищ старший лейтенант!

Все громко засмеялись. Дальнейший разговор шел под непрерывный смех.

— Наверно, опять за котелком с кашей ходил?

— Никак нет! Тотальным фрицам русской каши не видать, как своих ушей. Они галеты жрут...

— А ты бы за галетами сходил.

— Не стоит сапоги топтать: дюже жесткая пища.

Когда смех затих, Шкураков спросил:

— Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

— Нет, погоди.

— Лейтенант Муратов, — обратился Головня к офицеру, — нам Шкураков сейчас нужен, пошли на пост кого-нибудь другого.

Сняв шинель и аккуратно повесив автомат на гвоздь рядом с шинелью, Шкураков подсел к столу. Какой-то услужливый товарищ подставил ему кружку с кипятком, но он ее отодвинул и, обратив свои небольшие серые глаза на Головню, вопросительно ждал.

— Вот лейтенант, военный корреспондент, хочет услышать твою историю с кашей. Да и мы все с удовольствием послушаем, — сказал старший лейтенант, глядя на окружающих. — Верно говорю?

Гул одобрения послужил ответом.

Судя по тому, как охотно солдаты сгрудились вокруг стола, я понял, что либо Шкураков хороший рассказчик, либо сама история действительно интересна.

— Закир, дай-ка сюда котелок, — попросил Шкураков одного из слушателей. На столе появился обыкновенный солдатский котелок с крышкой.

— Видите? — рассказчик показал на доньшко.

Чем-то острым на доньшке, с краю, было нацарапано: «Москва, 20/ХІ—1941 г.».

— В этот день мой полк выступил на фронт. Мне дали шинель, шапку, шлем, всю амуницию, как полагается, саперную лопатку, противотанковое ружье и вот этот котелок... — Шкураков говорил гладко, видно, не впервые рассказывал эту историю. — Котелком я стал пользоваться с первого дня. Без котелка солдату очень плохо, почти как без оружия. Противотанковое ружье свое я попервоначалу на полную мощность использовал под Наро-Фоминском; у меня от него до сих пор правое плечо ноет. Тут меня первый раз ранили. Ружье передали другому, а котелок остался при мне, я очень просил об этом. Потом на разных фронтах я был и автоматчиком, и пулеметчиком, много

раз менял оружие, а старый котелок — все со мной, как верный друг, и на нем число, когда мы с ним пошли на войну.

Шкураков помахал рукой вокруг лица, отгоняя тучи табачного дыма, и продолжал:

— Сам я не курящий и табаком никогда не баловался. Вот курящие люди любимые мундштуки и трубки берегут... А я свой котелок решил беречь, пока война не кончится. А кончится — я его какому-нибудь пионерскому отряду подарю: пусть, как в поход пойдут, едят из этого котелка и вспоминают, что отцы за их счастье воевали.

И вот, значит, таким манером прошел я со своим котелком Польшу, Пруссию и очутился в самой Германии. Рассчитываю в скором времени зачерпнуть этим самым котелком воды из Одера. Теперь я уже сапер, и в моем распоряжении имеются, кроме автомата, щуп и миноискатель...

Вы, наверно, ждете, когда же начнется самая история с котелком? Сейчас начнется... Недели две тому назад вышли мы только из Шнайдемюля, как поступил приказ: обследовать на мины дорогу к небольшому хутору и сам хутор. После говорили, что в этом районе должен был разместиться наш батальон. Ну, пошли мы. Идем да оглядываемся: впереди еще совсем недалеко стрельба идет. Выполнили мы приказ, как полагается, осмотрели каждую кочку — все в порядке, не успел фриц заминировать. А время, надо сказать, было уже после полудня, есть хочется. Говорю я Закиру, — он мой старый друг, — забирай котелки и иди за кашей, а мы тут на всякий случай будем держать оборону. Было-то нас всего пятеро.

Закир ушел, а у нас, между прочим, такие мысли: ну как танки прорвутся, а мин у нас нет, чтобы хоть на дороге положить? С автоматом против брони не пойдешь. Ходил Закир долго, принес пшеничную кашу с мясом и строгий приказ от нашего командира, — Шкураков показал на лейтенанта, который, как и мы, с большим вниманием слушал рассказ своего сапера.

— ...Приказ был такой: заминировать дорогу со стороны противника. А чем?

Дело, думаю, серьезное, коли такой приказ. Пища в рот не идет. «Ну, вот что, — говорю я солдатам, — вы тут ешьте, хорошенько смотрите по сторонам, а я быстренько обернусь, схожу в обоз за минами. Для начала и двух хватит, а потом вы сходите». Поставил я свой котелок с кашей под кустиком у кювета и пошел. До обоза идти было немногим больше километра. Шел я быстро. Солнышко клонилось к западу. Деревья начинали зеленеть, чирикали птички. И, несмотря на стрельбу, на душе было приятно. Я еще пошутил с батарейцами, они недалеко от шоссе ладили позицию для двух противотанковых пушек.

— Что это, — говорят они, — нынче саперы по дороге, как по бульвару туда-сюда гуляют?

— Время, — отвечаю, — весеннее, самое для прогулок.

Думаю, на обратном пути я этим пушкарям отолью какую-нибудь пулю...

А вышло наоборот. Только я со своими минами направился обратно, слышу, со стороны хутора стрельба и ружейная, и артиллерийская. Ну, думаю, все пропало. И припустился бежать. Добегаю до батарейцев, а они из обеих пушек ведут такой беглый огонь, что в ушах у меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Смотрю, а на шоссе, так, метрах в трехстах, немецкий «тигр» огрызается. Как я в его пулеметную струю не попал, и сейчас удивляюсь...

«Что же стало с однополчанами? — думаю. — Не может быть, чтобы такие бывалые солдаты зевака дали». И в самом деле, прав я оказался. Только прилег я в кювет у дороги, чтобы не зацепила немецкая пуля или осколок, как слышу кто-то в стороне кусты раздвигает. Я — автомат в руки, и кричу:

— Кто тут?

Смотрю, из-за кустов голова Закира появилась.

— По голосу слышу, что Шкураков, — сказал он, и прыг ко мне в кювет. А за ним и вся остальная братва. Я, ко-

нечно, рад, что все целы и невредимы... Рассказали, как было дело.

Бог весть откуда появились танки, четыре «тигра». Не иначе, как из ближайшего леса, который наш авангард плохо прочесал. На броне каждого танка — десантники. Сколько их — не пересчитали. Не до того было. Сам, — говорят, — посуди: против каждого сапера — танк с десантом. Мои саперы в кусты, да на зады, да давай бог ноги. А все-таки несколько автоматных очередей свое дело сделали: танки чуть замешкались и дальше пошли не так резво, а вскоре напоролись и на нашу противотанковую артиллерию. Тут они остановились.

Пока мы обсуждали все эти события, рота капитана Алиева — хороший был офицер...

— Почему был? — спросил я.

— Погиб... Теперь там капитан Александров командует. Да... так вот, — продолжал Шкураков, — гвардейцы из этой роты выдвинулись чуть подалее противотанковых пушек и заняли оборону. А мы пошли доложить начальству. По дороге я вдруг вспомнил про котелок.

— Где он? — спрашиваю Закира.

— Чего?

— Котелок!

— Да там, — говорит, — где его оставил, под кустом...

— А что же ты его, вражья сила, с собой не захватил?

— Только и оставалось время, что о котелке думать.

И сильно я рассердился и на ребят, и на себя.

— Эх, — говорю, — вы, люди! Тарас Бульба не хотел своим врагам даже трубки оставить, а вы тотальным фрицам котелок с русской кашей на съедение отдали. Где у вас совесть?..

А они смеются...

— Не горюй, Шкураков, отобьем твой котелок с кашей. Города берем, а котелок-то раз, два и наш.

Получили мы приказ: как только стемнеет, заминировать все подходы к роте Алиева со стороны противника.

Перед тем как идти на операцию, я говорю своему командиру:

— Разрешите произвести саперную разведку.

— Что же ты пойдешь один? — спрашивает.

— Так точно, — отвечаю. — План мне известен. Днем там был.

— Добро, — говорит, — иди.

Примерно к полуночи сделали мы свое дело. На всех дорогах, где только сумел бы проскочить танк, мы поставили мины. Противопехотных мин мы не ставили. Потом я и говорю своим напарникам:

— Вы возвращайтесь, а я пойду дальше, есть у меня еще один приказ.

— Знаем, — говорят, — мы этот приказ. Зря Шкураков из-за котелка каши своим котелком рискуешь...

Рассказчик сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Учился я мало. Так пришлось. А читал много и, когда в школе учился, и после, когда работал токарем на заводе. Очень любил я Гоголя. А его «Тараса Бульбу» знаю наизусть. Хорошая это книга! Какие в ней красивые люди. Читаешь и наслаждаешься. Вот слушайте: «Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже козаки и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу...»

Шкураков на память читал гоголевские строки, и все слушали его, затаив дыхание. Передохнув, он продолжал:

— Короче говоря, пошел я за своим котелком во вражеский стан. Точнее, не пошел, а пополз, и волок с собою немецкую противотанковую мину. Много она мне хлопот доставила, а отказаться от своего намерения не хотелось. Гитлеровские дозоры я обошел легко. Стояли они; судя по голосам, группами, человека по три — четыре и, наверное, для храбрости вели тихие разговоры. Единственную улицу хутора несколько раз пересекали какие-то фигуры, а танки куда-то исчезли. Но на этот счет я ошибся, так как вскоре, в стороне от дороги, увидел силуэт одной, а за ней и другой машины.

Котелок мой оказался на месте. Найти его не составило труда: я отлично запомнил ориентиры, так что узнал их даже ночью.

Взяв котелок, я с большой осторожностью подполз к ближайшему танку и подложил под гусеницу мину. Вынул из кармана трехметровый сверток бикфордова шнура. соединил его с капсулом-взрывателем и вложил в отверстие взрывателя.

Теперь оставалась самая трудная часть задуманного дела — зажечь шнур. Это я решил сделать под брюхом танка, там было безопаснее всего. Вспышка спички была короткой, шнур загорелся моментально. Я, прикрывая своим телом конец огненной струи, направил ее на землю. Теперь надо было спешить! В моем распоряжении триста секунд — пять минут. Далеко ли я могу уползти, соблюдая все предосторожности? Оказывается, далеко.

Когда до моих ушей дошел громкий звук взрыва, я уже миновал последние заставы немцев; их панические голоса раздавались далеко за моей спиной.

Однокашники были рады моему возвращению. Я их и накормил кашей из моего котелка. Но на этот раз она мне показалась вкуснее, чем всегда, верно, потому, что с трудом досталась. Утром наша разведка сообщила, что немцы

бежали из хутора. На память о себе они оставили развороченную гусеницу танка. А подбитого «тигра», наверно, уволокли на буксире. Ну, вот, кажется, и все, что можно сказать об этом самом котелке... Я теперь его берегу больше, чем прежде. Ведь как-никак, а немец капитулировать должен. Тогда я рядом с первой записью на доньшке напишу вторую и последнюю, вроде того... «Берлин, такого-то числа и месяца тысяча девятьсот сорок пятого года».

У всех на лицах засветилась улыбка, как будто и в самом деле гитлеровцы уже выслали своих парламентариев.

— А ты зря не скромничай, — заметил лейтенант, командир саперов, — не то мне придется дополнять твой рассказ.

Слушатели с удивлением перевели свои взоры на командира, недоумевая, чем же может дополнить он рассказ Шкуракова.

— Командование отметило подвиг Шкуракова, — сказал лейтенант, — он у нас теперь кавалер ордена Славы третьей степени.

Пока сапер вел свой рассказ, курильщики столько напустили махорочного дыма, что дышать стало трудно. Чья-то заботливая рука открыла дверь. Мы вдохнули свежий воздух. Никто из нас не заметил, как на пороге появились две фигуры, и когда при последних словах лейтенанта раздался возглас:

— Разрешите поздравить, товарищ старший сержант, с высокой наградой! — мы оглянулись и увидели перед собой двух неразлучных друзей — Андронova и Мадраима.

Андронов спустился первым, и обратившись к Головне, отпортовал:

— Пленные по приказанию майора Абдурахманова доставлены в армейскую комендатуру. По приказанию полковника Лебедева выполнял боевое задание в расположении роты капитана Александрова.

Он отошел в сторону, и Головне пришлось выслушать рапорт Мадраима.

— После лечения в госпитале вернулся в часть. По приказанию полковника Лебедева направлен в батальон майора Абдурахманова. Вам пакет от полковника, — добавил он, вынимая из-за пазухи небольшой конверт, запечатанный сургучными печатями.

— Гм... «Совершенно секретно», — пробурчал Головня, пробежав глазами адрес. — Тогда я, пожалуй, удалюсь. Вы пойдете со мной или останетесь?

Я решил остаться.

Шкураков и Мадраим наперебой задавали друг другу вопросы:

— Жив-здоров?

— Ну, а ты как?

— Гляди сам.

Пришедших окружили солдаты, которые тоже забросали их вопросами. Мадраиму снова пришлось бы рассказывать с начала до конца всю историю своего ранения, лечения, поездки в Ташкент, но тут Шкураков, взяв под руку Мадраима, подошел с ним ко мне и сказал:

— Вот наш знаменитый Мадраим-Кундак.

— То есть как, — Кундак? За последние дни я с ним встречался несколько раз и слышал, что его зовут Мадраим Мадумаров.

— Все это правильно по паспорту, вернее, по красноармейской книжке, — заметил сапер. — Но если взглянуть глубже в его биографию, то он — Кундак.

Я начал догадываться, что за всем этим скрывается какая-то интересная история. И стал допытываться.

— Верно, старшему сержанту такое прозвище дали в Узбекистане?

— Не угадали, товарищ лейтенант! Это его так прозвали за то, что он неаккуратно прикладом пользуется.

— Интересно, как это у него получилось. Расскажи, Шкураков, — закинул я удочку.

— Длинная история, товарищ лейтенант, — ответил Шкураков, — сам он об этом лучше расскажет.

Тут меня поддержали обступившие солдаты:

— Давай, Шкураков, рассказывай!

— Ты ж мастак байки балакать.

— Не тяни!

В конце концов, явно польщенный нашими просьбами, Шкураков согласился. Он зажег от старых плошечек две новые, сел за стол и начал рассказывать. Впоследствии я опубликовал этот рассказ во фронтовой газете.

МАДРАИМ-КУНДАК

Андронов, плотно прижимаясь к земле, полз в сторону леса, который не столько виднелся, сколько угадывался в этом кромешном мраке: размытые очертания леса почти сливались с небом.

«Где же Мадраим», — думал Андронов, изредка останавливаясь и прислушиваясь.

Минные поля давно остались позади. Сапер Шкураков, провожавший разведчиков, шепнул на прощанье:

— До леса рукой подать, а там вас ни один фриц не сыщет.

Андронов дружески ткнул Шкуракова в бок так, что тот тихо охнул...

— Якши! Кланяйся нашим.

— Ползи не торопись.

«Сколько же времени могло пройти?» — задавал себе вопрос разведчик, поднимая голову вверх, как будто редкие звезды, мерцавшие в небе, могли дать ответ на этот вопрос.

Руки начали ныть в локтях. Звенело в ушах.

Вдруг тонкая красная нить трассирующей пули прошла мрак и погасла. Разведчик замер, прислушиваясь. Где-то вдалеке хлопнул выстрел, вслед за ним в небо взвились две ракеты, разбрасывая яркие зеленые капли света.

«Неужто заметили?»

Но ракеты погасли, и снова наступила та особенная тишина, которая свойственна только фронту в минуты затишья.

Темнота стала настолько плотной, что Андронов не заметил, как дополз до леса. Он почти сразу услышал негодующий шепот Мадраима:

— Тебя шакалы сзади кусают? Может быть, скорпион залез под рубашку? Что ты гремишь, как старая арба?

У Андропова отлегло от сердца: Мадраим здесь, значит, все в порядке.

Но, видимо, не все еще было в порядке, так как тот продолжал шепотом распекать друга:

— Мы в разведке, товарищ Андронов, а не в чайхане. Почему вы плохо пригнали оружие?

— Эх, покурить бы, — так же шепотом ответил Андронов на выпады друга.

— Курить, Василий, будем только в пять ноль-ноль. Понятно? А сейчас: ётыб колгунча, отыб кол!

— Чего-чего?

— Я говорю: лучше вперед, чем оставаться на месте.

На рассвете разведчики оказались недалеко от большой фронтальной дороги, которая, как бурно пульсирующая артерия, питала передний край гитлеровской обороны.

— Нужно уточнить обстановку, — Мадраим указал на густые кусты орешника.

Пробравшись в середину этих зарослей, разведчики устало растянулись на мягкой росистой траве. Над ними яркой бронзой окрасилось высокое облачко. Проснулись птички и начали голосисто хлопотать у своих гнезд. На большой дороге изредка раздавались гудки машин. Лязгая гусеницами, прополз танк, расплескал в лесу звуки скрежещущего металла. Завывая моторами, на бредущем полете прошли черные самолеты с белыми пауками свастики на бортах. Птички смолкли, потревоженные голосами войны.

— Чуешь, Мадраим?

— Чую! — Он сорвал былинку и, повертев перед собой

ее пушистой метелкой, сердито бросил в сторону. — Но чувуют ли они, что скоро им капут? Как ты полагаешь?

Мадраим разложил на примятой траве карту. Приложил к карте компас и стал внимательно ее изучать.

А Андронов, любивший поговорить обстоятельно, приподнялся на локте и, разгладив свои рыжеватые запорожские усы, степенно ответил:

— Я полагаю так: которые из умных, те должны чувствовать — ведь каждый день лупим, уму-разуму учим, ну, а которые дурни, тем наука не помогает. Мне сдается, что уже пора бы и покурить, — неожиданно закончил он.

До самого вечера друзья пролежали в кустах орешника. До полудня они по очереди спали. Когда очередь спать дошла до Андропова, Мадраим строго предупредил:

— Не храпеть! Это вам в порядке приказа, товарищ сержант.

— Есть не храпеть, — улыбнувшись, ответил Андронов. В этой разведке Андронов добровольно принял командование Мадраима. Заснув, он в первую же минуту нарушил приказ и громко захрапел.

— Отставить!.. — прошептал Мадраим и бесцеремонно перевернул друга на другой бок.

— Так я же не могу спать на этом боку, — бормотал спросонья Андронов.

— А ты попробуй...

Действительно, он уснул и больше не храпел.

Подкрепившись сном, Андронов несколько раз пытался подползти к дороге, которая уже ревела моторами, гремела танками, кричала на чужом языке.

— Нам приказано «языка» достать, а не машины считать на дороге, — урезонивал его Мадраим. — А где самый лучший, самый длинный «язык»? В немецком штабе. Ведь ты сам меня так учил. Вот по этой дороге, когда на ней будет тихо, мы и дойдем до штаба... Понял?

— Как не понять, — согласился Андронов. Не впервые Мадраим и Андронов пробирались по фашистским тылам.

В редких случаях их разведка не приносила успеха. Недаром командир полка, перед которым они стояли вчера в ожидании приказа, подошел к ним вплотную и, положив им руки на плечи, сказал:

— Дело серьезное, хлопцы. Надо достать не просто «языка», а «языка» знающего. Достаточно одного, но знающего. Поняли? На вас надеемся. Уверен, что приказ выполните.

— Так точно, товарищ полковник, выполним! — чеканя каждое слово, ответил Мадраим.

— Ну, а ты как думаешь? — обратился командир к Андронову.

— Ну, а мы же, — начал было тот, но, сообразив, что говорит не по уставу, неожиданно закончил: — Так точно, выполним!

Когда они выходили из штабного блиндажа, полковник еще раз остановил свой взгляд на разведчиках. Они хорошо подходили друг к другу: стройный, ловкий Мадраим и коренастый Андронов, в котором угадывалась большая физическая сила.

Один из офицеров, стоявший рядом, перехватил взгляд полковника.

— Есть на кого любоваться.

— Да, орлы! — ответил полковник и, поерошив рукой ежик на своей голове, глубоко надвинул фуражку.

Несмотря на свою комплекцию, Андронов был очень подвижен, он ни минуты не мог оставаться без дела. У него не хватало терпения, как, например, у Мадраима, часами неподвижно наблюдать за одним каким-нибудь объектом, он должен был или двигаться, или, на худой конец, разговаривать.

Мадраим знал, что сейчас Андронов, вынужденный оставаться на месте, начнет свои бесконечные рассказы. Он даже знал, о чем именно будет тот говорить.

Андронов уже забывал о ранах, оставивших шрамы на его сильном теле. Но та рана, которую он носил в своем

сердце, увидев пепелище родного села, продолжала кровоточить.

Он испытывал лишь некоторое облегчение при мысли о том, что дойдет до Берлина, что победа близка.

Густая листва кустарника прикрывала друзей от солнца. Изредка на ветку садилась какая-нибудь пичужка и удивленно смотрела на людей.

Когда со стороны леса доносились резкие, гортанные слова чужой речи или рев буксовавших машин, друзья приподнимали головы и, прижав автоматы, тревожно прислушивались к каждому шороху.

Золотистые солнечные стрелы, пробивавшиеся сквозь густую листву, настроили Андропова на грустный лад. Ни к кому не обращаясь, он начал тихим голосом:

— ...Хаты своей я не нашел. И справа не было хаты, и слева не было хаты. Все попалил проклятый Гитлер, все порушил. Были у нас яблоньки в саду. Так вот одна осталась, уцелела. Стоит, как сиротинка...

Мадраим сжимал в зубах ветку орешника и, слушая Василия, мысленно представлял свой ташкентский сад с нежными и хрупкими персиковыми деревьями. Он вдруг подумал: что, если бы враг добрался до этого сада? Эта мысль вызвала в нем такую бурю гнева, что он даже изменился в лице.

— Ты что? — встревоженно спросил Андронов.

— Ничего, ничего, продолжай, — успокоил его Мадраим.

— ...Так вот, стоит яблонька, как сиротинка, и я возле нее, как сирота... Обнимаю ее ветки и плачу... Оглянулся, и вижу: дед Ефим... Единственный житель на все село.

— Откуда, дед, ты взялся? — спрашиваю.

— С того света, — говорит и показывает не вверх, на небо, а вниз.

— В земле, — говорит, — хоронился, покуда сын Никифора Дудки, Гришка, село палил...

— Какого, — спрашиваю, — Никифора?.. Не того ли, — говорю...

— А того самого лютого Дудки, который все село в ярме держал, когда вы мамкино молоко сосали.

Василий вынул кисет и свернул сигарку. Закурив и пустив облачко голубоватого дыма, он ударил себя в грудь кулаком и гневно прошептал:

— Вот где у меня этот проклятый Гришка! Перед самыми колхозами они сгнули из нашего села... Однажды осенью сгорело у нас в клунях зерно, а потом сгорели копышны, а в них добрые кони. Поймали злодеев. Кто бы думал — Дудка с сыном! Посадили их под крепкий замок... Да вот, дывысь, они, как оборотни, из-под земли вышли. Пришел Гришка в село вместе с немцами. Не привыкать стать: отец-то с белобандитами путался.

Солнце уже клонилось к закату. Удлинялись и густели тени. На востоке началась оружейная перестрелка. Над лесом снова загудели самолеты. С дороги послышались яростные крики команды.

— Наши летят, — заметил Мадраим, прислушиваясь к шуму на дороге, — забегали крысы.

Раздалось несколько ружейных выстрелов, потом все стихло. Самолеты прошли над лесом с угрожающим ревом, и где-то в самом дальнем его конце ухнули бомбы.

— В добрый час, хлопцы, — тихо напутствовал удаляющиеся самолеты Андронов.

— Так вот, товарищ сержант, — начал он сурово, — как же я могу молчать, когда этот лютей зверь Гришка Дудка, может быть, еще палит где-нибудь колхозные хаты...

Дорога опять ожила. Отрывисто кричали гудки, перекликались чужие голоса. В густой чаще робко запела какая-то птица, но ее нежное пение заглушили пулеметные очереди, раздавшиеся со стороны дороги.

Когда все стихло, Андронов вынул карту и, водя по ней пальцем, сказал:

— Вот смотри, пойдём до этого перекрестка, здесь хоро-

шая дорога поворачивает к городу, а похуже — к усадьбе. В городе нам делать нечего, а в усадьбе должен быть штаб. Так сообщила разведка. Судя по карте, место подходящее для нашего дела: кругом лес, овраги..

Мадраим внимательно слушал друга, покусывая былинку.

— Так-то оно так, только бы «язык» не очень толстый попался, — шутливо заметил он, — в прошлый раз измучил проклятый.

— Действительно фриц был толстый, как кабан, — заметил Андронов, — будем искать потоньше. Они теперь быстро жир спускают.

В лесу заметно сгустились сумерки. Дальние деревья и кусты стали терять очертания.

* * *

Ночь снова выдалась темная. Разведчики осторожно пошли к дороге. Она выделялась еле заметной серой полосой, но разведчикам, привыкшим в своих ночных походах ориентироваться и на менее заметные предметы, дорога была хорошим ориентиром.

Противоположная ее сторона оказалась гористой, и Мадраим предложил перебраться туда. Они долго выжидали, притаившись в придорожных кустах. Несколько раз мимо них с ревом пронеслись тупорылые автобусы и грузовые автомашины. Но вот какой-то грузовик остановился совсем недалеко от них. Из кабины вылез шофер; он долго ковырялся в моторе. После короткой команды из кузова выпрыгнули солдаты. Они громко говорили, дружно хохотали, пока окрик офицера снова не водворил тишину.

Мадраим, прижавшись к земле, наблюдал из-за своего укрытия. Ему слышался в хохоте врагов страх, страх людей, отправляемых на верную смерть.

Он потихоньку толкнул своего друга в бок и получил тихий толчок в ответ: дескать, понимаю. Мадраиму хотелось скорее перебраться на другую сторону дороги. Оттуда,

с возвышенности — хороший обстрел. Ведь и в разведке может понадобиться хорошая позиция.

Фашистский грузовик ушел на восток. Но не успели подняться разведчики, как вдали послышалось громкое та-рахтение мотоцикла. Не доезжая до того места, где они за-легли, мотоцикл замолк.

Даже терпеливый Мадраим начал терять терпение в ожидании этого проклятого мотоцикла.

Наконец, на шоссе появилась какая-то темная тень. Это оказался гитлеровец, который, тяжело отдуваясь, катил неисправный мотоцикл.

Наконец, на дороге все стихло. Нужно было торопиться: летняя ночь коротка.

Перейдя на гористую сторону, разведчики вскоре до-шли до перекрестка. Дорога была по-прежнему пустынной.

— Что-то очень тихо, — прошептал Василий на ухо Мадраиму.

Неожиданно совсем близко в небо взвилась ракета. Чем выше поднималась она к зениту, тем становилось светлее. Вдоль кюветов забегали причудливые тени. Прямо перед собой разведчики увидели столб, ошетилившийся стрелами и стрелками, на которых пестрели надписи, значки и цифры. Несколько стрелок показывали в сторону проселоч-ной дороги, по обеим сторонам которой чернели густые за-росли кустарников. Видно было, что этой дорогой автомо-бильный транспорт совсем не пользовался. Ракеты погасли.

— Пошли быстро!

Мадраим, как тень, мелькнул за Андроновым. Теперь разведчики, не сворачивая в кусты, пошли прямо просел-ком. Они изредка взглядывали на небо, опасаясь заметить предательские вестники рассвета.

Наконец, без всяких приключений они дошли до глу-бокого оврага, который на карте лежал длинной извилистой мо-щиной, начинающейся в том месте, откуда разведчики двинулись в поход.

В овраге стоял густой запах сырости и лесной прели.

Небо было чистым, и крупные звезды приветливо мигали двум отважным бойцам. Где-то, настолько далеко, что не было слышно звука, в темное небо взлетали красные шарики зенитных снарядов. Вспыхивая белыми искрами, они так же беззвучно гасли.

— Отсюда до поселка совсем близко, — шепнул Андронов. — По дороге идти опасно: патрули, охрана. Двинем напрямик, через кусты.

Как только выбрались из оврага, они услышали человеческую речь. Два голоса тихо переговаривались у длинной стены сарая.

Обойдя сарай, разведчики увидели еще несколько построек, белые стены которых были вписаны светлыми квадратами на темном фоне леса. В одном окне волчьим глазом светилась яркая точка, проникавшая, очевидно, сквозь порванные шторы светомаскировки. Дверь этого дома открылась, и человек, появившись на ярко освещенном крыльце, громко крикнул по-русски:

— Коменданта к телефону! Быстро!

— Сейчас разбужу, — ответил заспанный голос из темноты.

— Слышишь? — удивленно прошептал Василий, крепко сжимая руку сержанта. — Куда мы попали?

— Власовцы! — тихо ответил Мадраим. — Вот тебе и штаб! Наверно, недавно пригнали.

— Вот гады! — воскликнул Андронов. — Взять бы этого подлого предателя... А?

Мадраим одобрил это предложение. Он потянул за собой Андропова. В то время, как они, обогнув вокруг леса большую дугу, подходили к заветному дому, на его крыльцо быстро кто-то поднимался. Укрывшись за полуразрушенным забором, они успели только увидеть в светлом прямоугольнике открывшейся двери человека, который на ходу застегивал мундир.

Андронов еле сдерживался. Ему очень хотелось высказать свои соображения насчет поимки коменданта. Мад-

раим, насколько это было возможно, старался в темноте определить размеры площади, на которой разместились редкие постройки бывшей усадьбы. Теперь он догадывался, что в длинном сарае была казарма.

— Жди здесь, — сказал Мадраим и, пригнувшись к земле, бесшумно пошел к задней стене хаты.

На крыльце появился солдат. Андронов определил это по стуку приклада винтовки. Солдат закурил и, постояв минуту, сошел с крыльца. Огонек папиросы вскоре исчез в темноте, а шум шагов утонул в высоком бурьяне.

— Ну, что? — спросил Андронов, когда Мадраим вернулся.

— Кричит в телефонную трубку, а что — непонятно, говорит по-немецки.

— Ну, значит, в чинах, раз по-ихнему лопочет. Непременно братъ надо, — заключил Андронов.

Разведчикам пришлось совещаться недолго. Дверь неожиданно открылась, и на крыльце появилась знакомая фигура.

— Никаких приказаний не будет, господин комендант? — спрашивал кто-то.

— Нет. В четыре разбудите Мартынова и пришлите ко мне. Поедет в штаб.

Видимо, разговор по телефону оказался приятным. Офицер спустился с крыльца, весело посвистывая.

Две фигуры отделились от разрушенной изгороди и, тихо приминая бурьян, пошли следом. Но, как ни старались разведчики ступать тихо, комендант услышал шорох и, остановившись в нерешительности, тревожно спросил:

— Кто идет?

Одна секунда гробовой тишины разделяла вопрос и ответ, но она тянулась долго; Мадраиму показалось даже, что Василий струсил.

Но вот он услышал спокойный, твердый голос товарища:

— Так что это — я, господин комендант!

— Кто это — я? — Комендант повернулся всем корпусом, который хорошо был виден на сером фоне дальней постройке.

— Я — Андронов.

Дальше спрашивать комендант уже не смог. Мадраим верно рассчитанным ударом опустил на его голову приклад автомата, и комендант свалился в бурьян.

Разведчики опустились рядом. Послышались чьи-то быстрые шаги возле длинного сарая. К ним приближался солдат с папироской — яркой красной точкой она плыла над землей.

«Вот когда еще только каша заваривается», — подумал Мадраим, наблюдая за солдатом. Тот, видимо, слышал подозрительный шум и сейчас пересекал площадь, зорко осматриваясь по сторонам.

Друзья сжимали рукоятки ножей, ожидая солдата. Он прошел совсем недалеко, тихо позвав:

— Господин комендант!

На его голос откликнулись патрули у сарая:

— Ты чего там?

— Кто-то здесь разговаривал. А сейчас никого не видно.

Солдат повернул в сторону того дома, откуда вышел совсем недавно.

* * *

Сквозь густую листву, маскировавшую овраг сверху, пробился первый вестник начинающегося дня — серый, неясный свет.

Комендант со связанными руками и большим кляпом во рту уже шел сам. Андронов, несший его бездыханное тело до оврага, сейчас шел сзади, громким шепотом приказывая:

— Ты шагай тихо, не то я тебя поучу, как ходить надо. Снотворного ты уже попробовал... как, понравилось?

Местами на дне оврага стояла вода. Тогда Андронов начинал снова язвить:

— Не надобны ли галоши, господин комендант? Опа-

саемся — ноги промочите, у вас язык отсохнет, что нам тогда делать?.. Да не брызгайте, не брызгайте! Вы же не белый медведь.

Когда совсем рассвело, устроили привал. Мадраим начал было просматривать бумаги, взятые у коменданта, как вдруг услышал крик своего друга:

— Смотри! Смотри! Так это же он! Он, мерзавец! — Андронов держал коменданта за горло и так тряс, что голова у него болталась как у болванчика.

— Кто он? Зачем убиваешь? — спросил Мадраим, отдирая руки товарища.

— Так это же Гришка Дудка!

— Дудка?

Тут пришел черед удивляться Мадраиму. Он вынул кляп изо рта коменданта и строго спросил:

— Дудка? Верно?

Тот, опустив выцветшие серые глаза, молча смотрел в сторону.

— Чего спрашиваешь? Я его через сто лет узнаю! — Возбужденный Андронов сел в стороне, свернул папироску и закурил.

Мадраим резко сказал:

— Отвечай! Все равно узнаем!

Наконец, после долгого молчания, комендант ответил, не поднимая глаз:

— Да, я — Григорий Дудка...

Глаза Мадраима сверкнули гневом. Он замахнулся, но сдержал себя, проговорив сквозь зубы:

— Не хочу руки пачкать о всякую падаль. За все ответишь...

И, повернувшись к товарищу, повторил:

— За все ответит. Правильно, Василь-ака?

* * *

Василий с удовольствием вдыхал запахи родного солдатского блиндажа. Вокруг сидели близкие люди. Сизый

дым махорки плотно маскировал темные углы, куда даже не проникал свет самодельной копилки.

Разомлевший от тепла, пищи и табаку, а еще более от дружеской беседы, в которой он был центром внимания, Андронов уже в который раз, под одобрительный смех товарищей, вспоминая, как Мадраим, самым аккуратным образом привел власовца в бесчувственное состояние прикладом своего автомата.

— Я думал — капут гаду. Ждать было некогда. Взял его на спину и волоку. Но вот, смотрю — дышит.

— Ай да Мадраим-Кундак, — послышался из дальнего угла землянки возглас приятеля Мадраима, туркмена Кулмамедова, молодого смуглого парня с первым пушком на губах вместо усов.

— Как ты говоришь?

— Мадраим-Кундак, то есть Мадраим-Приклад. Поняли?

— Как не понять! Это здорово! — Отдельные голоса были покрыты дружным взрывом смеха.

— Смех-то, братцы, смехом, а ведь здорово получилось, что мне своими руками пришлось поймать этого проклятого Дудку. Не палить ему больше наших хат, не топтать ему нашей земли, не проливать ему нашей крови, — закончил Василий.

Все замолчали. Каждый углубился в свои думы. Мадраим, вернувшись из штаба после доклада командиру полка, увидев наши задумчивые лица, не отходя от порога, спросил:

— Опять Андронов свою историю рассказывал?

Василий поднялся ему навстречу, веселый и радостный:

— Историю рассказывал, да только не я, товарищ сержант. Я на этой истории уже поставил точку. Но спасибо тебе за то, что все это случилось с твоей помощью, Мадраим-Приклад.

Он сгреб сержанта в медвежьи объятия и крепко трижды поцеловал.

* * *

К концу этого рассказа более половины слушателей спало крепким сном. Видно было, что приключения двух разведчиков всем тут хорошо известны. Покинул нашу компанию и лейтенант, командир саперов, куда-то таинственно исчезли и друзья — герои рассказа — Андронов и Мадраим.

Чтобы не злоупотреблять гостеприимством саперов и словоохотливостью Шкуракова, я поблагодарил рассказчика и слушателей за приятно проведенный вечер и направился к выходу. Однако у выхода мне пришлось остановиться и призадуматься над тем, как я теперь доберусь до своей штаб-квартиры: дороги в темноте не найду, пароля не знаю.

Саперы догадались о моем замешательстве, и Шкураков пошел уже за шинелью, чтобы одеться и меня проводить, но в это время дверь открылась и на пороге появился ординарец Вахаб.

— А я за вами. Старший лейтенант велел быстро идти, что-то сказать надо.

Мы с ординарцем Вахабом пришли домой к шапочному разбору. Пожалуй, точнее не выразишься, так как буквально на наших глазах офицеры, видимо, созданные Головной на совещание, надевали фуражки и расходились по своим ротам, взводам и командам.

От прежнего Головни ничего не осталось. Стерлась улыбка, острее выдались скулы, пристальнее стал взгляд стальных глаз с пронзительными черными зрачками. Исчез даже под надвинутой на лоб фуражкой веселый чуб светлых льняных волос.

— Что-нибудь случилось? — задал я вопрос. Последовал очень спокойный ответ.

— Все в порядке. Обычная военная операция... Впро-

чем, — он помолчал, — не совсем обычная: нужно ликвидировать кольцо вокруг роты Александрова... Очень сложная ситуация! Прямо парадокс! Гитлеровское кольцо, которое сейчас сжимает роту Александрова, — само в кольце. Командование полагало, что гитлеровцы будут благоразумны и капитулируют. Но обычное прусское твердолобое упрямство оказалось сильнее всякой логики... На рассвете начнется операция по ликвидации окруженной немецкой части.

Наш батальон должен лишь поддерживать выступление основных сил, которые будут действовать с северо-востока.

— А где же все-таки майор Абдурахманов? — не удержался я от вопроса.

— Майор должен был бы уже возвратиться. Но если он задержался со своими автоматчиками, то значит — не по пустякам, а по серьезной причине... — Головня посмотрел на часы. — Уже — три. Скоро начнет светать. Я пойду проверю, как идет подготовка. А вы подкрепитесь: есть чай и консервы.

Пока я пил чай и закусывал, Вахаб собирал разбросанные командирские вещи в два небольших чемодана. Вероятно, в эти чемоданы входили все пожитки командира. Что касается постели и утвари, то об этом ординарец меньше всего проявлял беспокойства. Отступавший в панике враг не успевал ничего захватить с собой. Поэтому в каждом немецком фольварке, каждый, даже самый нерадивый ординарец мог быстро оборудовать для своего командира и спальню, и кухню, и даже ванную комнату.

— Куда же вы собираетесь, Вахаб? — спросил я ординарца, когда он закончил сборы и только посматривал по углам, заглядывая под кровати, столы и стулья: не забыли ли чего нужного.

— Дальше наступать будем. Войну кончать будем.

— А откуда это известно?

— А как же! На месте стоять будем, — когда домой придем!

Вахабу, видимо, понравилось его собственное выступление, потому что он громко засмеялся.

— Вот! — ординарец вынул из кармана гимнастерки какой-то сверток, завернутый в засаленный посовой платок. В платке оказалась аккуратно сложенная пачка писем, свернутых треугольником.

— Вот, — повторил Вахаб, — дочка Мухаббат, сын Махмуд пишут: ждем, дорогой папочка, скорее домой с победой. Они у меня оба — студенты... Нам сейчас стоять на месте нельзя... А у майора Абдурахманова тоже сын и дочка,

только они еще пионеры. Так вы думаете, майор не торопится? Очень торопится! Все — вперед, вперед, вперед... Он вот сейчас, наверное, уже у немцев в тылу все дороги проверил и нашему батальону хорошую позицию нашел. Он такой!.. А когда устанет, приляжет, вынет из кармана такую книжечку, а в ней фотокарточки: жена, дети, — и долго, долго смотрит. Много раз видел.

Сколько на войне неоконченных разговоров! К их великому множеству прибавился еще один — мой разговор с Вахабом. Причина ясна: грохнул залп, задрожали стекла, и воющий звук летящих снарядов замер вдали. Началось! Я быстро встал, попрощался с Вахабом, поблагодарил по нашему узбекскому обычаю за гостеприимство и вышел на улицу.

Светало. Прямо над нашим хутором плыли легкие перистые облака, еще едва тронутые первыми лучами рассвета. Над далекой рощей поднялась стая грачей. Против света

отлично было видно, как они метались, вспугнутые канонадой. В роще сейчас базировались танки, пробившие путь к отрезанному батальону Абдурахманова.

В сумерках раннего утра я видел, как спокойно и деловито действовали люди. Пробежала группа связистов, сматывая на катушку провода. «Значит, — подумал я, — в самом деле, батальон будет менять позицию».

Из-за длинного и низкого сарая, погромыхивая на кочках, гнедые кони быстро вынесли повозку. Ездовой, коренастый солдат с большой рыжей бородой, только помахи-вал вожжами и залиvisto посвистывал. Под этот свист умные кони неслись, как ветер. Следом за ними промчались два «козла» с противотанковыми пушками на прицепе.

В общий гул канонады вливались новые звуки. Они особенно были слышны со стороны рощи. Наверное, в дело вступила артиллерия танков.

— Двину-ка туда, — решил я. — Танкисты, наверняка, пойдут в атаку, и я с ними доберусь до роты Александрова. Здесь теперь не до меня. И интервью мне давать никто не будет. Что же касается встречи с майором Абдурахмановым, то она, по моим расчетам, должна состояться после боя.

Оказалось, что я ошибся в своих расчетах. Танки были не в роще, а, вытянувшись в линию, занимали оборону вместе с гвардейским батальоном. Однако мне посчастливилось снова встретиться с Мадраимом и Андроновым. Хотя они и спешили, но Мадраим успел сообщить, что они зачислены в команду, которая пойдет под прикрытием танков, если будет на то приказ. От них я узнал, что Головня — в третьей роте, на левом фланге, метрах в трехстах за рощей. По слухам, там сейчас и майор Абдурахманов, вернувшийся из разведки.

Абдурахманов!

Вот это здорово! Была не была, пойду туда.

Я не успел дойти до рощи, как ответные действия гитлеровской артиллерии заставили меня укрыться за каменной стеной какой-то хозяйственной постройки. Несколько снаря-

дов упало совсем рядом, а потом, наверное, вследствие слабой корректировки, взрывы стали удаляться.

В моем укрытии было безопасно, поэтому я с некоторой беспечностью наблюдал из-за стены, как все ярче и ярче раскалялось небо на востоке, как взошло солнце и покрыло окружающие предметы, деревья, травы живыми, сочными красками. Обстрел стал затихать по крайней мере с нашей стороны.

Я решил продолжить свое путешествие в третью роту, но, выйдя из своего укрытия, увидел такую картину: более десятка бронированных чудовищ тихо и медленно двигались по полю, удаляясь к позициям противника. За танками, пригибаясь к земле, мелким шагом перебежали пехотинцы.

«Значит, началась заключительная часть операции. А где же в это время были вы, товарищ военный корреспондент?» — мысленно обратился я к себе с ядовитым вопросом.

«Вы в это время прятались за каменным забором, товарищ военный корреспондент», — ответил я сам себе.

«Не потерплю позора!» — подумал я и бросился вперед, через кюветы, догонять атакующих гвардейцев.

Но чья-то сильная рука, схватившая меня за полу шинели, охладила мой пыл.

— Товарищ лейтенант, куда вы?

Передо мной стоял Головня. Он крепко держал меня и, улыбаясь только светлыми глазами, выговаривал:

— Сразу видно, что не стреляный. Разве вы не знаете, что перебегая столь легкомысленно по открытому полю, вы были бы преотличной мишенью для всех гитлеровских снайперов на этом участке позиции.

— Но я хотел догнать их, — бормотал я в свое оправдание, показывая на удалявшиеся танки.

— Прежде чем вы догнали бы их, вас догнала бы фашистская пуля... Если все будет в порядке, мы их догоним.

Маскируясь за кустами и постройками, пригибаясь к земле на открытых местах, мы побежали вдоль позиций, за-

нимаемых батальоном. В редких стрелковых ячейках, в пулеметных гнездах, у противотанковых пушек люди молча и с напряженным вниманием следили за удалявшимися танками. В той стороне, судя по гулу, шла ожесточенная оружейная, пулеметная и ружейная перестрелка.

Дошли до высокого кирпичного забора, и Головня нырнул за его надежную защиту. Здесь, оказывается, стояли автомашины противотанковой артиллерии.

— Треба отдохнуть, — сказал старший лейтенант, снимая фуражку и вытирая лоб, обильно смоченный потом.

Он сел на заднее сиденье первой попавшейся автомашины и пригласил меня.

— Мы атакуем первыми. С этой стороны нам нужно произвести демонстрацию силы, обилия войск и техники. Избави бог, если они догадаются, что это демонстрация, тогда они своей лавиной сомнут наш батальон. Ведь здесь только две роты, а там предполагается бригада!

— Говорят, Абдурахманов здесь... — перебил я Головню.

— Точно. Мы были с ним недолго. Я доложил обстановку, а он приказал мне идти на правый фланг. Но на прощанье он мне сказал, что результаты разведки отличные. Смелая, умная голова!

— А как бы к нему сейчас пробраться?

— Зачем? Интервью взять? Ничего не выйдет!

— Нет, вообще посмотреть, понаблюдать...

— Время не подходящее.

Головня замолчал и стал поворачивать голову, как бы прислушиваясь. Глядя на него примолкли все.

— Вы слышите?

Да, мы уже все отлично слышали, хотя эти звуки и неслись издалека.

Сквозь шум артиллерийской и ружейной пальбы прорывался мощный поток человеческих голосов:

— Ур-ра!!! Ур-ра!!!

Мы с Головной мчались на газике через поле, по которому совсем недавно прошли наши танки и пехотинцы. Трясло и кидало нас хлеще, чем в море в штормовую погоду. Но мы этого не замечали, мы только смотрели вперед. Когда миновали гребень, поля и пошли под горку, то увидели впереди уже самую заключительную сцену боевой операции: гитлеровцы сдавались в плен.

Оказывается, главной атакующей силой была другая воинская часть, прибывшая на ликвидацию кольца. Но гвардейцы Абдурахманова шли в первых цепях атакующих. Суетились крикливые старшины, подсчитывая трофейное оружие, автоматчики изо всех щелей, погребов и чердаков выводили остатки тотального воинства. Изредка слышались отдельные выстрелы: кто-то делал отчаянные попытки сопротивляться.

Мы всматривались в понурую толпу военнопленных, выискивая офицеров, которые, стремясь стусеваться в солдатской массе, часто срывали нашивки, ордена и погоны.

— Здесь задерживаться не будем, скорее в роту капитана Александра, — торопил шофера Головня.

Машина свернула в сторону и вскоре выбралась на шоссе. Густо зеленевшие деревья по обочинам дороги сильно затрудняли наблюдение за местностью. Хотя я здесь раньше не бывал, но мне казалось, что смогу ее узнать. Ведь я уже видел эту местность с горки, на которой стоял памятный мне дом — командный пункт роты капитана Александра.

Но вот, кажется, и знакомые места!

Конечно, это они! Попался участок дороги, на большом протяжении которого почти все деревья были снесены огнем артиллерии. По сторонам, в кюветах валялись развороченные пушки, минометы, трупы солдат...

Отсюда хорошо был виден холм, на котором стоял... да, стоял этот дом. Теперь вместо него — груда щебня. Изредка видно движение людей. Чем ближе мы подъезжаем

к позициям роты Александра, тем страшнее картина боя. Но сейчас нас волнует не она, а судьба роты. Головня даже высунул голову из-за ветрового стекла, чтобы лучше видеть, что впереди.

Машина остановилась в том саду, где не так давно стояла машина полковника.

Нам навстречу тяжелой походкой, прихрамывая, шел старшина Сметанин, голова его была перевязана, а левой рукой он опирался на суковатую палку. За спиной болтался автомат, из кармана торчала длинная обойма.

— Где капитан Александров? — спросил Головня.

— Там он, — показал старшина в сторону разрушенного дома. — Еле разыскали среди убитых, — голос его дрогнул. — Помирает... Не могу смотреть. Ведь мы с ним три года плечом к плечу...

Старшина низко опустил голову и по-детски всхлипнул.

Он медленно пошел, опираясь на свою палку в ту сторону, где в прошлый раз распекал ротных шорников за плохо починенные уздечки.

Только вряд ли мог сегодня этот исполнительный, честный и храбрый солдат зорко смотреть за ротным хозяйством: слишком велика была утрата...

Капитан Александров лежал на большом трофейном ковре, прикрытый сверху плащ-палаткой. Землистого цвета лицо было спокойно. Иногда он открывал глаза и устремлял зрачки прямо в небо перед собой. Дышал он часто и глубоко, что-то булькало у него в горле. На плащ-палатке уже появилось кровавое пятно. У изголовья умирающего сидела медсестра (я узнал ее — это была та самая сестрица, которую оберегали солдаты от вражеских мин). Она вытирала ватой струйки крови, медленно стекавшие у него из рта. Плечи сестры вздрагивали, она плакала, и крупные слезы падали ей на руки и на лицо умирающего.

Вокруг в тяжелом молчании стояли гвардейцы. Их осталось немного: человек тридцать.

— Где остальные? — спросил Головня, обращаясь к стоящему рядом пожилому солдату.

— Раненые в санбат отправлены, убитых еще не собирали.

Головня опустил на колени и тихо сказал:

— Товарищ капитан!.. Сергей Иванович... Сережа!

Проблески сознания появились в глазах капитана.

— Это ты... Ну, вот и все... — Легкая улыбка на миг озарила его лицо, но тут же погасла. Взор его вдруг стал жестким и грозным, он рывком приподнялся на локтях и крикнул:

— Товарищи, не жалейте жизни... — но силы оставили его, голова упала, и он тихо, почти одним дыханием закончил: — за счастье... Родины...

Мы еще минуту стояли молча, ждали, когда он откроет глаза, но он их не открыл. Жизнь тихо и незаметно для нас оставила его тело. Сестра положила ему на голову руку и, подавляя рыдания, сказала:

— Умер...

Мы обнажили головы и в молчании стояли над телом героя.

В это время послышались шаги, и перед нами появился майор Абдурахманов.

Это был он, я узнал его, хотя никто никогда не описывал мне его внешности.

Две суровые складки разделяли широкий разлет черных бровей.

Он опустил на колени у изголовья умершего и, обняв его за плечи, сказал тихо:

— Брат! Ака!

Плечи его вздрагивали, но он сдерживал рыдания. Потом он вынул из кармана покойного партийный билет и положил в свою планшетку.

— Капитана похоронить здесь, на холме, вместе с его гвардейцами, — сказал он, вставая. — Сегодня батальон двинется вперед, на новые позиции. Вторая рота получает

пополнение, командиром назначается старший лейтенант Головня.

Гвардейцы, увидев и услышав своего командира, приободрились. Абдурахманов понял их чувства.

— Выше голову, гвардейцы! Многих своих братьев мы похоронили... Каждый из них погибал ради жизни.

Так, наконец, я встретил майора Абдурахманова.

Долго я шел по следам одного героя и повстречал при этом множество других. Сколько героических дел увидел я на этом пути!

Слава вам, гвардейцы!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ

Я решил не расставаться больше с Абдурахмановым, двигаться с ним на Запад, до победы.

Просматривая теперь мои фронтовые тетради, я нашел в них любопытные заметки, относящиеся к тем бурным дням, когда мы воевали в Померании, и к приезду в Берлин. Об этом последнем этапе войны и хочется рассказать.

Мы попали туда на шестой день после падения Берлина. Поверженная к ногам нашей армии-победительницы фашистская столица еще кое-где горела, и всюду пахло гарью и пороховым дымом. Пламя боев опалило своим дыханием дома, кварталы, целые улицы, оставив в одном месте глубокие шрамы пробоин, в другом — груды развалин.

По главным магистралям города, наспех расчищенным от завалов, непрерывным потоком двигались на запад войска, артиллерия, танки. Бесчисленные стрелки на столбах и стенах указывали направление частей. На шумных перекрестках подтянутые и строгие девушки-регулирующие искусно управляли движением этой лавины. Над улицами плыл неумолкаемый шум разноплеменной речи. Шли французы, англичане, голландцы, американцы, бывшие военнопленные, мученики концентрационных лагерей. Они катили коляски, тележки, тачки, какие-то допотопные фургоны с незамысловатым скарбом, высоко подняв свои на-

диональные флаги. Вслед за наступающей армией шли освобожденные ею рабы гитлеровского райха.

Каждую советскую военную автомашину они встречали восторженными овациями и криками.

Коренные жители столицы, вывесив белые флаги, робко жались к подворотням и подъездам домов.

Мы наблюдали подобные картины на всем своем пути до самых Бранденбургских ворот, к которым сейчас держали путь. За ними должен был быть знаменитый Тиргартен и еще более знаменитый рейхстаг.

Завалы и груды черепицы и битого кирпича на главных магистралях мешали нормальному движению, поэтому наша машина петляла по глухим переулкам до тех пор, пока мы не потеряли ориентировку. На помощь пришли два веселых солдата с красными патрульными повязками на рукавах.

Это были первые вестники порядка, которых советская комэдатура направила в населенные кварталы города.

— До рейхстага совсем недалеко, товарищ майор, — ответил один из солдат на вопрос Абдурахманова. — Прямо за воротами будет и рейхстаг. А ворота — сейчас направо.

— Только, товарищ майор, на воротах коней не ищите, их наша «катюша» распрягла и на все четыре стороны пустила, — заметил другой солдат.

Через минуту мы проезжали под Бранденбургскими воротами. Действительно, бронзовые кони, некогда венчавшие эти ворота, — символ славы чванливого прусского юнкерства со времен франко-прусской войны — были почти начисто сметены огнем артиллерии. Их же участь разделил и парк Тиргартен. Оголенные ветви воздеты к небу, как обожженные руки солдат, сдающихся в плен.

Справа, придавив землю грузной серой громадой, стояло неуклюжее здание рейхстага. Над его куполом ярким пламенем полоскалось по ветру то заветное красное знамя победы, о котором на протяжении всей войны думал каждый наш воин — от солдата до маршала.

Так вот это место, откуда, начав с мелкого поджога, гитлеровцы раздули пожар мировой войны!

Грязно-серые стены и колонны здания были исполосованы свежими выбоинами и царапинами от пуль и осколков. Вокруг валялся мусор войны — все то, что когда-то шумело, рокотало, гремело, угрожало разнокалиберными стволами орудий и пулеметов, а теперь замолкло навсегда, разбитое, изуродованное и искалеченное. Танки, броневики с развороченными бортами и разорванными гусеницами нашли здесь свою могилу. Белые кресты рейхсвера и фашистская свастика украшали этот металлический лом.

Стоял май, время первых по-настоящему теплых дней. В безоблачном небе сияло такое ласковое солнце, что даже на изуродованной земле Тиргартена сочными пятнами зелела трава, источая сладкие запахи весны.

На ступенях мрачного здания рейхстага, покуривая махорку, сидели солдаты и вели беседу. Один читал письмо, другие — комментировали. Похоже, что это были земляки, у которых оказалось много общих интересов. Каждый из них вспоминал родные места, родные поля...

Внутри здания, над опрокинутыми и разбросанными столами и креслами плавала тонкая пелена дыма: где-то что-то горело. Под ногами, как осенние листья, шуршала бумага. На многих листках виднелся знакомый хищный профиль гитлеровского стервятника. Солдаты с большим удовольствием топтали этот хлам, оставшийся от парламента третьей империи.

Самым замечательным в этом мрачном логове были солдатские надписи. Они начинались внизу, у пола, поднимались вверх по стенам, вились по колоннам, перемахивали через балкон и виднелись даже на потолке. Написанные углем, мелом, процарапанные острым бывалым солдатским ножом, они как бы скрепляли символический акт падения вражеской столицы. Надписи были коротки и выразительны:

«Вот мы пришли! Москвичи Курбатов и Ванин».

«За родную Украину! О. Скачко, Т. Пилипенко, А. Недилько».

«Мы из Якутска. Солонкин и Королев».

Сыны всех народов Советского Союза оставили здесь свои имена. Рядом красовались фамилии русских, украинцев, грузин, азербайджанцев, чувашей, карелов, алтайцев и многих других.

Мы поднялись на балкон. Прямо перед нами, под капитальную гранитной колонны было четко написано:

«Мадраим-Кундак. 3 мая 1945 года».

— Мадраим! — вскрикнуло сразу несколько солдат, сопровождавших нас.

— Кундак!

И передо мною, как живой, возник образ этого солдата. Открытое черноглазое лицо со сверкающей улыбкой в минуты солдатского отдыха, с глубокой складкой у переносицы в боевой обстановке.

— Ишь ты, какая оказия-то получилась, — воскликнул бывший с нами уравновешенный и спокойный сапер Шкураков. — Ведь совсем недавно здесь был, могли бы и встретиться...

Мадраим-Кундак — гордость полка, любимец разведчиков, оказывается, жив, невредим и оставил весть о себе, да еще где, в Берлине! Его считали погибшим с тех пор, как после очередного похода в тыл врага вернулся только один участник разведки. Он принес тяжелую весть: все погибли, окруженные гитлеровцами в лесу на высотке, обозначенной на карте «168».

Старый боевой друг Мадраима — Василий Андронов, не принимавший участия в этом походе, рвал и метал.

— Ой, Мадраим! Ой, дружище, как же ты так сплывал?

Андронов несколько раз просил, чтобы ему разрешили с товарищами обследовать место гибели разведчика, но неожиданно дивизия, в которой он находился, была перебро-

шена на другой участок фронта, и Андронову не удалось сделать это. Память о друге глубоко запала в сердце гвардейца. При всяком случае он повторял, как бы про себя:

— Будь я с Мадраимом рядом — жив бы он остался. Ведь сколько раз ходили вместе...

А теперь Андронов стоял, не сводя глаз с надписи под капителью. На его светлые запорожские усы катились слезы, оставляя на щеке узкий влажный след.

Заметив, что все на него смотрят, Андронов быстрым движением вытер щеку рукавом выцветшей гимнастерки и, широко улыбаясь, протрубил своим знаменитым басом:

— Жив, гвардеец, жив!

Он обхватил по-медвежьи двух первых попавшихся ему солдат и закричал еще громче:

— Слышите, хлопцы? Жив Мадраим!

После осмотра рейхстага мы поехали в канцелярию Гитлера, до которой, как говорили уже освоившиеся в Берлине солдаты, рукой подать.

Легли уже сумерки, когда мы, до отказа наполненные впечатлениями этого необычного дня, сели в грузовик, чтобы ехать обратно в расположение своего полка.

Движение на улицах города не утихало. На перекрестках дорог появились новые указатели. Новая смена девушек-регулирующих, одетых в шинели, заняла свои посты. Мелькали то белые, то красные сигнальные флажки. Над городом появились огни прожекторов.

Ехать, однако, нам пришлось недолго. Мотор нашей машины вдруг начал чихать и вскоре заглох. Сойдя с машины, мы огляделись. Кругом был лес, высокой стеной чернел он у самой дороги.

Шофер поднял капот над мотором машины и начал, как говорили на фронте, искать ту «искру, что в баллон ушла»... Мы разлеглись на шелковой весенней траве, прислушиваясь к ночным шорохам и приглядываясь к игре прожекторов в темном небе.

Иногда до нашего слуха долетал рокот невидимых са-

молетов и приглушенное рычание танковых или автомобильных моторов.

Появились огоньки самокруток, предвестники задушевных бесед.

— Тишина-то какая, — послышался в темноте голос. Все молчали, прислушиваясь к тишине и как будто стараясь измерить ее глубину.

— Да, действительно тихо, — подтвердил другой голос.

— А у нас дома об эту пору не очень тихо бывало, — начал не спеша старшина Сметанин. — Сам-то я, как полагается, был по конской части в колхозе — старшим конюхом. Меня всем собранием на эту работу просили. Я сбрую делать мастер. Да, признаться, и коней люблю. — Он с аппетитом затянулся, выпустив дым, продолжал:

— Выйдешь ночью конюхов проверить, а кругом рокот такой стоит! Тракторы пашут, сеют... У нас перед войной старухи и те научились различать тракторы по звуку мотора. У соседки внук — тракторист на ЧТЗ работал. Так, бывало, она говорит: «Знать, мой Семка опять у Сивцова оврага работает?»

«Что ты, Максимовна, — скажешь ей, — разве не слышишь, прямо за околицей трактор ревет?»

«Э, — говорит, — то другой, то колесный. Это, — говорит, — не иначе, как Ксения Макарова водит...» Вот, брат, какие дела-то! Шумела у нас жизнь, — закончил он. И вдруг закричал:

— Эй, водитель! Долго искру искать будешь?

Тот ответил спокойно и тихо:

— Долго.

Все рассмеялись.

Кто-то из солдат помогал шоферу, светя электрическим фонариком. Мы наблюдали, как желтый зайчик света скользил по внутренностям мотора.

— В самом деле, ночь-то какая, — снова удивился Андронов.

Прожекторы за лесом погасли, и яркие звезды без всяких помех с земли приветливо мигали нам из черной бездны.

Молчал и лес, очарованный неожиданно наступившей тишиной.

Усталость постепенно сковывала тело, закрывала глаза и, положив людей на мягкую траву, окутывала крепким сном.

Долго ли мы спали, я не знаю, но после короткого слова «поехали», люди быстро вскочили. Я успел взглянуть на часы, было около трех часов ночи.

— Однако много времени мы потеряли, — сказал Абдурахманов шоферу. — Надо спешить.

— Есть спешить, товарищ майор! — И, высунув голову из кабины, спросил: — Все сели?

— Все! Поехали!

Вспыхнули фары.

В последнее время наши водители вели себя очень смело, пренебрегая правилами светомаскировки. Даже на регулировочных постах военно-автомобильных дорог смотрели на это сквозь пальцы.

Не успел грузовик миновать лес, как по кабине забарабанило сразу несколько рук.

— Смотрите, смотрите, что там делается! — кричали солдаты, показывая на запад.

В западной части неба творилось что-то страшное: оно так ярко светилось от бесчисленных разрывов зенитных снарядов, что поблекли даже самые крупные звезды. От плотного, глухого рокота канонады слегка дребезжало окно кабины.

— Гаси фары, вставай в кювет, — скомандовал кто-то в кузове автомашины. Шофер послушно выполнил приказ невидимого командира.

— Вот тебе и тишина!

— Покой!..

Солдаты хотя и шутили, но их голоса звучали тревожно.

Тучи красных горошин взвились в небо чуть подалее польхавших разрывов. Теперь уже полнеба было охвачено зенитным обстрелом.

Теряясь в догадках, мы принялись обсуждать случившееся. Все сошлись на том, что такого обстрела никому еще не приходилось видеть.

Кто-то успокоительно сказал:

— Это не у нас, мы — подалее.

— От голова, — плюнул в сердцах Андронов, — так ты же пойми...

Но он не успел договорить, как в небе возник новый участок обстрела, и канонада слилась в один сплошной грозный гул.

— В машину, быстро! — подал команду Абдурахманов. И не зажигая огней, рискуя разбить машину на первом повороте, шофер дал полный газ.

Зенитный обстрел временами прекращался на одном участке, но с новой силой вспыхивал на другом. Были короткие передышки, когда огонь совсем утихал.

Лес давно остался позади, теперь машина неслась открытым полем, ныряя в увалы и взлетая на холмы.

Несколько раз промелькнули постройки, мимо которых мы проезжали днем.

Дорога все ближе и ближе подводила нас к линии фронта. За крутым поворотом в окнах большого дома блеснули огни и слышались частые ружейные и автоматные выстрелы.

Шофер, старый солдат, без слов понял, что следует немедленно свернуть в кусты и остановиться.

Лицо Абдурахманова было напряжено и серьезно.

— Андронов! — подозвал он старшего сержанта. — Пойдем уточним обстановку. Старшим останется Сметанин. А вы, лейтенант, если хотите, следуйте за нами, — обратился он ко мне.

Быстро подбежав к живой изгороди, окружавшей дом, мы залегли и стали наблюдать.

Стрельба неожиданно смолкла. Где-то хлопали двери, возбужденно перекликались голоса, слышалась русская речь.

На дорожке сада послышались поспешные шаги, и солдат, выйдя из калитки, поднял вверх автомат, дал длинную очередь и громко, восторженно крикнул:

— Гитлер капут! Победа!

Тут Абдурахманов выскочил из засады и, разъяренный, бросился отчитывать солдата.

— Что за безобразие здесь творится?!

— Никак нет, товарищ офицер! Победа! — Солдат повернулся лицом к нам, и свет из открытых окон озарил его радостную улыбку.

— Победа, товарищи офицеры, — повторил он. — Два часа тому назад из штаба армии получено сообщение: фашисты подписали капитуляцию.

— А почему такой зенитный обстрел? — спросил Абдурахманов.

— Салют, товарищ офицер. — И он, ловко вскинув автомат, дал очередь.

Андронов, стоявший за нашей спиной, обошел нас справа и, обращаясь к солдату, сказал:

— А ну, повернись к свету, хлопец. — Но тот не успел повернуться, как разведчик сгрэб его в свои объятия и издал крик громче ружейного выстрела:

— Мадраим! Друзе, это же ты! Верно!

Друзья тискали друг друга, поддавая в бока увесистые тумачи, крякали от удовольствия.

Мадраим дергал друга за усы и говорил:

— Режь, режь, чертяка! Уговор был: усы носишь до победы.

Андронов в ответ грохотал:

— Режь, бисов сын, коли рука не дрогнет...

Мадраим быстро вынул из ножен острую, как бритва, финку, и не успел Василий опомниться, как пушистые кончики его запорожских усов были пущены по ветру.

— Остальное сам добрешь, — как ни в чем не бывало сказал Мадраим, вставляя финку в ножны.

За всем этим мы не заметили, как заря разругнула небо, землю и лица людей.

Мадраиму нужно было спешить в свою часть. Коротко он поведал нам историю своей мнимой смерти. Оказывается, никто из его разведчиков тогда не погиб, кроме одного, который куда-то исчез. Высотку «168» они покинули с боем, оторвались от своих преследователей и почти неделю скитались по немецким тылам, прежде чем вышли к своим.

Линию фронта они пересекли в расположении другой части. Сдав очень ценные сведения в штаб этой части, они были зачислены в разведку нового полка.

— Ну, довольно говорить про войну да разведку. Давайте побалакаем о мире, — шутливо предложил Андронов.

Было уже совсем светло, шоссейная дорога, кое-где разбитая снарядами, уходила в перелесок. В большом саду, видимо, помещичьего фольварка, лепестки яблоневого и вишневого цвета тихо осыпались на высокую траву.

Мадраим озорно прищурился и, блеснув белозубой улыбкой, сказал:

— О мире будем говорить дома, когда сдадим старшине свои автоматы.

— Оно, конечно, так, — согласился Андронов, — только они о нас соскучились, — он широким жестом показал на черневшие рядом поля.

— Да и мы о них тоже, — добавил кто-то в тон Василию.

Пора было ехать. Почти все уже залезли в кузов, только Андронов еще медлил.

— Ну, бывай здоров, Мадраим-Кундак, браток мой. Пиши.

Андронов был чувствительным человеком. По тому как он сутулился и покусывал короткие обрезки своих когда-то пушистых усов, все поняли, что старший сержант загру-

стил. Понял это и Мадраим. Крепко встряхнув руку товарища, он мягко и ласково сказал:

— Вася! Наша встреча будет в Ташкенте! Верно? А когда, — мы условимся. Будь здоров.

Вот и Андронов в машине.

Пожимая на прощанье руку Мадраиму, Абдурахманов сказал:

— Как-никак, а война кончилась. Близок день, когда солдаты придут к старшинам с густосмазанным оружием.

— Никак нет, товарищ майор! Я решил оружия не сдавать: я пойду в военное училище.

— Желаю счастья!

— И вы будьте счастливы!

Машина быстро тронулась с места. Василию недолго пришлось махать пилоткой своему другу: его стройную фигуру с автоматом на груди скрыли густые ветви цветущих каштанов на первом повороте дороги.

ЭПИЛОГ

На днях инженер Данияр Абдурахманов, майор запаса, праздновал новоселье в одном из новых районов Ташкента.

В свое время я обещал Абдурахманову, что мы вместе разопьем бутылку шампанского в мирные дни. Мне захотелось описать эту встречу в своем дневнике.

За столом, на котором было все, что могло утолить жажду и удовлетворить самый требовательный вкус, собралось много гостей. И Абдурахманов рассказал трогательную историю дружбы Мадраима и Андропова.

Закончив рассказ, он снова прочитал телеграмму, которую все время держал в руках.

— Ну, а теперь следует выпить вот этого вина, — предложил он гостям, указывая на бутылки. — Оно сделано из соков местного винограда, выращенного после войны, и называется Победа.

— Нет, Данияр-ака, — заявил один из гостей, — выпить мы всегда успеем. А раньше скажи, где сейчас эти герои?

Гости поддержали последние слова шумным одобрением.

— Лучше меня эту историю закончит Мадумар-ата¹, — хозяин поклонился в сторону румяного седобородого старика, сидевшего на почетном месте в центре стола.

Мадумар-ата был в том возрасте, когда всеобщее внимание не смущает человека.

Помолчав, погладив серебряную бороду и мягко улыбувшись, он сказал не спеша:

— Мой сын Мадраим сейчас далеко. Он стал офицером, несет свою службу очень далеко отсюда, на границе. Что я еще могу сказать? Он мой сын, и мне не подобает говорить о его достоинствах. Но я рад слышать от боевых друзей слова похвалы, ибо это значит, что перед лицом опасности и смерти он был храбрым и смелым узбеком, достойным сыном своего народа.

— Вот это уже тост, — сказал кто-то, когда Мадумар-ата замолчал. — Теперь нужно непременно выпить.

Ароматное вино было налито в бокалы.

— Итак, выпьем за храброго, смелого узбека Мадраима-Кундака, — начал Данияр-ака, — и за его друзей, с которыми он делил труды и славу.

Все уже пригубили бокалы, как послышался тихий голос Мадумар-ата:

— Тост будет не полным, если не добавить: выпьем и за его подругу, которая на днях едет к нему делить радости и невзгоды пограничной жизни.

Яркий румянец выступил на щеках у девушки, стоявшей рядом с Мадумаром-ата. Она опустила густые ресницы, глядя на маленькую рюмку, которая слегка дрожала в ее нежных пальцах.

— Хоп! — хором воскликнули гости и осушили бокалы.

Литературный перевод Л. БАТЬ

г. ТАШКЕНТ

---

¹ Ата — отец (узб.).